

«Осторожно! Книга оказывает побочный эффект: бессонница и неловкие взгляды незнакомцев в метро из-за вашего испуганного выражения лица гарантированы».

Cosmopolitan

САМАНТА
ДАУНИНГ

МОЯ
ДОРОГАЯ
ЖЕНА

Идеальный триллер

Саманта Даунинг

Моя дорогая жена

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

Даунинг С.

Моя дорогая жена / С. Даунинг — «Издательство АСТ»,
2019 — (Идеальный триллер)

ISBN 978-5-17-118777-4

Если Декстер столкнется с мистером и миссис Смит, получится захватывающий кровавый психологический триллер. На первый взгляд наша история любви ничем не отличается от истории многих других пар. Я встретил великолепную женщину. Мы влюбились. У нас родились дети. Мы переехали в пригород. Мы поделились друг с другом нашими самыми сокровенными мечтами и... нашими самыми темными секретами. А потом нам стало скучно, и мы решили немного развлечься. Мы похожи на нормальную пару. Мы – ваши соседи, родители друга вашего ребенка, знакомые, с которыми вы ходите вместе обедать. У всех нас есть свои секреты, которые помогают сохранять наш брак. Вы ходите в кино. Ездите в отпуск. А мы иногда убиваем...

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-118777-4

© Даунинг С., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

1	6
2	10
3	13
4	15
5	19
6	24
7	28
8	32
9	36
10	39
11	43
12	47
13	51
14	54
15	57
16	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Саманта Даунинг

Моя дорогая жена

Samantha Downing
MY LOVELY WIFE

© Samantha Downing, 2019

© Павлова И., перевод, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2020

1

Она смотрит на меня голубыми стеклянными глазами. Потом переводит взгляд на свой бокал и снова поднимает его на меня. Я чувствую, что она за мной наблюдает, пытается понять: испытываю ли я к ней такой же интерес, какой она испытывает ко мне. Подняв голову, я улыбкой показываю ей: да, испытываю. Она улыбается в ответ. Почти вся помада на ее губах стерлась, на ободке бокала краснеет характерное размазанное пятнышко. Я подсаживаюсь к ней.

Девушка поправляет свои волосы: обычные, ничем не примечательные – ни длиной, ни цветом. Ее губы шевелятся. Она произносит: «Привет», и ее глаза внезапно вспыхивают, словно их подсветили изнутри.

Физически я ее привлекаю, как и большинство женщин в этом баре. Мне тридцать девять, я отлично сложен, густые волосы, на щеках и подбородке ямочки, и костюм на мне сидит лучше, чем на руке перчатки. Вот почему она обратила на меня внимание. Вот почему она мне улыбнулась и так довольна, что я к ней подкатил. Я – мужчина ее мечты.

Я поддвигаю к ней мобильник по барной стойке. На его экране высвечивается текст:

«Привет. Меня зовут Тобиас».

Она читает сообщение и, выгнув бровь, переводит взгляд с мобильного на меня и обратно. Я набираю новое сообщение:

«Я глухой».

Ее брови поднимаются вверх, рука прикрывает рот, а кожа розовеет. Замешательство у всех проявляется одинаково.

Она качает головой: жаль, ах, как же жаль! Она этого не знала.

«Конечно же, не знала. Откуда ты могла это знать?»

Она улыбается, только уже по-другому. Не так, как прежде.

Я больше не картинка в ее голове. Я уже не тот мужчина, которого она себе воображала. И теперь она колеблется, не знает, что ей делать.

Но вот она берет мой телефон и пишет в ответ:

«Меня зовут Петра».

«Приятно познакомиться, Петра. Ты русская?»

«Мои родители были русскими».

Я киваю и улыбаюсь, она тоже кивает и улыбается. Судя по всему, ее мозг закипел от сомнений.

Она бы предпочла не оставаться со мной. Ей хочется встретить мужчину, который будет слышать ее смех и не станет печатать свои слова.

Но в то же время совесть велит ей быть терпимой и не принижать «ущербного» человека. Петра явно не хочет выглядеть поверхностной женщиной, которая отказывает мужчине, потому что он глухой. Она не хочет отвергать меня так, как отвергали многие до нее.

Или только делает вид.

Ее внутренняя борьба – трехактная пьеса, разворачивающаяся перед моими глазами. И я знаю, как она закончится. По крайней мере, заканчивалась уже множество раз.

Петра остается. Ее первый вопрос – про мой слух или его отсутствие. Да, я глухой от рождения. Нет, я никогда не слышал никаких звуков: ни смеха, ни человеческого голоса, ни лая щенка или рокота самолета над головой.

Петра надевает на лицо печальное выражение. Она не сознает его покровительственности, а я не упрекаю ее, потому что она старается. И потому что она *осталась*.

Петра спрашивает, умею ли я читать по губам. Я киваю, и она начинает говорить.

– Когда мне было двенадцать лет, я сломала себе ногу в двух местах. Упала с велосипеда, – губы Петры шевелятся преувеличенно гротескно. – И мне пришлось носить гипс от

ступни до бедра, – Петра замолкает и чертит пальцем по бедру линию – на случай, если я недопонял. Я все понял, но ценю ее усилия. И бедро тоже.

Взбодрившись, Петра продолжает:

– Я не могла ходить шесть недель. И в школе я ездила в инвалидном кресле, потому что гипс оказался очень тяжелым для костылей.

Я смеюсь, хоть смутно представляю себе маленькую Петру с огромным гипсом на ноге и еще меньше представляю себе, к чему ведет эта печальная история.

– Я не хочу сказать, что понимаю, каково это – жить в инвалидном кресле постоянно или иметь иное отклонение от нормы. Я просто всегда чувствую состояние такого человека... Как будто... Как бы это получше выразиться... как будто я испытала это на себе, только на время. Понимаешь?

Я киваю.

Петра с облегчением улыбается – она опасалась, что эта история может задеть меня за живое.

Я печатаю:

«Ты очень чувствительная».

Петра пожимает плечами и сияет в ответ на комплимент.

Мы берем еще по бокалу вина.

Я рассказываю ей историю, не связанную с моей глухотой. О своем любимчике из детства – Шермане. Это был лягушонок-бык, который сидел на самом большом камне в пруду и лопал всех мух подряд. Я никогда не пытался поймать Шермана, а только наблюдал за ним, и иногда он тоже за мной наблюдал. Нам нравилось сидеть рядом, и я стал называть его своим «домашним питомцем».

– А что с ним случилось? – интересуется Петра.

Я вздрагиваю.

«Однажды я пришел, а камень был пуст. Я больше никогда его не видел».

– Как это печально, – вздыхает Петра.

«Вовсе нет», – возражаю я. Гораздо печальней было бы найти его мертвое тельце и столкнуться с дилеммой: нужно ли его хоронить? Хорошо, что мне не пришлось этого делать. Я просто представил, что лягушонок переселился в другой, больший по величине пруд, над которым летало громадное количество мух.

Петре понравился мой ответ, и она прямо заявила мне об этом.

Но я не рассказал ей всего, кое о чем умолчал. Например, о том, что у Шермана был очень длинный язык, который выстреливал по сторонам так быстро, что я с трудом его замечал. Но мне всегда хотелось его схватить. Я любил сидеть у пруда и размышлять о том, насколько плохой была эта мысль. Насколько ужасно было бы схватить лягушонка за язык? Причинил бы я ему тем самым вред или нет? И если бы он умер, считалось бы это убийством? Я никогда не пытался этого сделать, да и вряд ли бы у меня получилось, но я раздумывал над этим, и из-за этого мне казалось, что я не был Шерману хорошим другом.

Петра рассказывает мне о своем коте Лайонеле. Она назвала его в честь другого кота, тоже Лайонела, который был у нее в детстве. Я говорю ей, что это смешно, хотя совсем в этом не уверен. Она показывает мне фотки. Лайонел – персидский кот с черно-белой мордой. Он слишком толстый, чтобы быть умным.

Петра переводит разговор на свою работу: она разрабатывает бренды товаров и компаний. По ее словам, это и легко, и тяжело. Тяжело бывает в самом начале, потому что заставить кого-нибудь что-то запомнить очень трудно. Но, чем больше людей начинают узнавать бренд, тем легче становится его продвигать.

– В какой-то степени даже не важно, что мы продаем. Бренд становится значимей продукта, – Петра указывает на мой телефон и спрашивает, почему я его купил: потому что он мне понравился или из-за бренда?

«Наверное из-за того и другого».

Петра улыбается:

– Видишь. Ты даже затрудняешься ответить.

«Похоже, что так».

– А ты чем занимаешься?

«Я бухгалтер».

Она кивает. Это самая невозбуждающая профессия в мире, но она обеспечивает стабильность и солидность. И это то, что по силам глухому парню. Цифры не говорят – у них нет голоса.

К нам подходит бармен – опрятный и аккуратный. Судя по возрасту, студент колледжа. Петра берет заказ на себя – ведь я же глухой. Женщины всегда думают, что обо мне надо заботиться. Им нравится делать что-нибудь за меня, потому что они считают меня слабым.

Петра заказывает нам еще по бокалу вина и свежую закуску. И улыбается так, словно гордится собой. Это заставляет меня рассмеяться. Молча, но все-таки рассмеяться.

Она наклоняется и кладет свою руку на мою. Она забыла, что я не ее идеальный мужчина, и развитие нашего знакомства уже предсказуемо. Довольно скоро мы оказываемся в ее квартире. Решение дается мне легче, чем следовало бы, но вовсе не потому, что я нахожу ее необычайно привлекательной. Это выбор. Петра предоставляет мне право решать, и я превращаюсь в мужчину, говорящего «да».

Петра живет в деловой части города, неподалеку от бара, в эпицентре рекламы всех крупных брендов. Ее квартира не настолько чистая, как я ожидал: повсюду разбросаны вещи – одежда, посуда, газеты. Это наводит меня на мысль, что она часто теряет ключи.

– Лайонел где-то тут. Прячется, наверное.

Но я вовсе не ищу глазами жирного кота.

Петра пронесится по комнатам, бросая сумку в одной и скидывая туфли в другой. В руках у нее появляются два бокала, наполненные красным вином, и она ведет меня в спальню, а там, улыбаясь, поворачивается ко мне лицом. Внезапно она становится еще более привлекательной, даже ее гладкие волосы начинают переливаться.

Это не только алкоголь, но и ее счастливый вид. У меня складывается впечатление, будто Петра давно не вызывала у мужчин желания. Не понимаю, правда, почему: она довольно мила.

Девушка прижимается ко мне, ее тело теплое, дыхание отдает вином. Петра забирает из моей руки бокал и ставит на пол.

Я отпиваю из него вино уже гораздо позже, когда мы в темноте, при одном лишь свете моего телефона, печатаем вопросы и ответы, посмеиваясь над собой и тем, что совершенно не знаем друг друга.

Я спрашиваю:

«Твой любимый цвет?»

«Зеленый, лаймовый».

«Мороженое?»

«Баббл-гам, со вкусом жвачки».

«Баббл-гам? С голубой начинкой?»

«Ну да».

«Надо же».

«А ты какое мороженое любишь?»

«Ванильное. А твоя любимая начинка для пиццы?»

«Ветчина».

«Мы уже готовы».

«Да?»

«Погоди, мы все еще о пище говорим?»

Мы говорим уже не о пище.

А потом она засыпает первой. Я колеблюсь – уйти мне или остаться. Я так долго решаю, как мне поступить, что в итоге и сам засыпаю.

Просыпаюсь затемно и выскальзываю из постели, не разбудив Петру. Она спит лицом вниз, одна нога согнута, волосы рассыпаны по подушке. Я не могу понять, нравится она мне по-настоящему или нет. И решаю об этом не думать. Незачем.

На прикроватной тумбочке лежат ее сережки. Они сделаны из цветного стекла: водоворот голубых теней, под стать глазам Петры. Одевшись, я смахиваю сережки с тумбочки в свой карман. Я забираю их себе как напоминание больше так не делать. Мне кажется, это сработает.

А потом я направляюсь к входной двери.

– Ты действительно глухой?

Петра задает этот вопрос громко, прямо мне в спину, и я его слышу. Потому что я не глухой.

Но я не оборачиваюсь.

Я притворяюсь, что ничего не услышал, подхожу к двери, захлопываю ее за собой и продолжаю идти. Выйдя из здания, я прохожу квартал, сворачиваю за угол и только тогда останавливаюсь и задумываюсь: как она догадалась? Должно быть, я допустил ошибку.

2

Меня зовут не Тобиас. Я пользуюсь этим именем, только когда хочу, чтобы меня кто-то запомнил. В данном случае – бармен. Я представился ему, напечатав свое имя, когда зашел в бар и заказал выпивку. Он меня запомнит. Он запомнит, что Тобиас – глухой мужчина, ушедший из бара с женщиной, с которой только что познакомился. Это имя для него, а не для Петры. Она по-любому меня запомнит, вряд ли ей доводилось раньше спать с глухими парнями.

И если бы я не допустил ошибку, то остался бы лишь необычным эпизодом в хронике ее сексуальных приключений. А теперь останусь странным эпизодом, потому что Петра запомнит меня как парня, «притворявшегося глухим» или «вероятно, притворявшегося глухим».

Чем больше я об этом думаю, тем больше задаюсь вопросом: а не допустил ли я целых два промаха? Возможно, я на миг замер на месте, когда она спросила, действительно ли я глухой. Это вполне могло произойти, потому что именно так люди реагируют, слыша то, чего не ожидали услышать. И если я на самом деле замер, то Петра, скорее всего, это заметила. И сообразила, что я соврал про свою глухоту.

Всю дорогу домой я испытываю дискомфорт. Сиденье в машине скрипит и царапает мне спину, радио играет слишком громко, и везде слышатся зловещие крики. Но я не могу винить в этом Петру. Просто я раздражен.

Зато дома все тихо и спокойно. Моя жена, Миллисент, все еще в постели. Я женат на ней уже пятнадцать лет, и она зовет меня не Тобиасом. У нас двое детей: Рори четырнадцать, а Дженна на год младше.

В нашей спальне темно, но я различаю фигуру Миллисент под одеялом. Сняв ботинки, я на цыпочках крадусь в ванную.

– Все нормально?

Голос жены звучит полусонно.

Я оглядываюсь и вижу ее тень, приподнявшуюся на локте.

И я снова перед выбором. Из-за Миллисент, что случается редко.

– Нет, – отвечаю я.

– Нет?

– Она нам не подходит.

Воздух между нами застывает и оттаивает только тогда, когда Миллисент выдыхает и снова кладет голову на подушку.

* * *

Она встает раньше меня. К тому времени, как я захожу на кухню, Миллисент уже организует завтрак, сухие пайки детям в школу, наш день и наши жизни.

Я понимаю: мне следует рассказать ей о Петре. Не о сексе с ней, нет (этого я бы своей жене ни за что не рассказал), а о том, что я ошибся, и Петра нам подходит. Мне надо это сделать, потому что упускать Петру рискованно, но вместо этого я молчу.

Миллисент смотрит на меня. Ее разочарование причиняет мне большую боль, чем физическая сила. Глаза у моей жены зеленые, переливаются всеми оттенками этого цвета, как камуфляж.

И они совсем не похожи на глаза Петры. У Миллисент и Петры нет ничего общего, разве что они обе спали со мной. Или одной из моих ипостасей.

По лестнице с топотом проносятся дети, орущие друг на друга и ссорящиеся из-за того, что накануне в школе кто-то из них что-то не так сказал.

Дети уже одеты и готовы к школе. Я тоже уже оделся для работы в свой белый теннисный костюм.

Я не бухгалтер и никогда им не был. Пока мои дети в школе, а жена продает дома, я на корте под открытым небом, под лучами солнышка, учу людей играть в теннис. Большинство моих клиентов среднего возраста и давно утратили спортивную форму (если она у них вообще когда-то была), зато у них уйма денег и времени. И меня периодически нанимают богатенькие родители, свято верящие, что их чадо – талант, будущий чемпион и ролевая модель. До сих пор все они ошибались.

Скоро я опять отправлюсь кого-нибудь чему-нибудь учить, но прежде Миллисент заставляет и меня, и детей сесть за стол хотя бы на пять минут. Она называет это завтраком.

Дженна закатывает глаза и сучит в раздражении ногами, желая получить свой мобильник обратно: садиться за стол с телефоном у нас запрещено. Рори держится спокойнее сестры: за пять отведенных нам минут он старается заглотить как можно больше еды, а потом набивает свои карманы тем, что не успело попасть ему в рот.

Миллисент сидит напротив меня, с чашкой кофе у губ. Она тоже готова к работе: на ней юбка, блузка и туфли на каблуках. Рыжие волосы уложены назад. В лучах утреннего солнца они кажутся медными. Мы с Миллисент ровесники. Но она выглядит лучше меня, так было всегда. Она женщина, которую я, похоже, так и не смог заполучить.

Моя дочь стучит пальчиками по моей руке, как будто отбивает ритм какой-то песни. И, конечно, добивается своего – я обращаю на нее внимание. Дженна не похожа на мать. И глаза, и волосы, и форму лица она унаследовала от меня, и иногда меня это печалит. А иногда радует.

– Папа, ты купишь мне сегодня новые туфли? – спрашивает Дженна. И улыбается, потому что знает: я скажу «да».

– Да, – говорю я.

Миллисент пихает меня под столом ногой.

– Этим туфлям всего месяц, – говорит она Дженне.

– Но они стали мне слишком тесны.

На это даже моя жена не находитесь, что возразить.

Рори спрашивает, можно ли ему поиграть в видеоигру перед уходом в школу, всего несколько минут.

– Нет, – мотает головой Миллисент.

Сын смотрит на меня. Мне следует сказать «нет», но теперь, сказав «да» его сестре, я этого сделать не могу. Рори это знает, потому что он умный малый, так похож на Миллисент.

– Валяй, – говорю я.

Рори уносится прочь.

Миллисент с шумом ставит на стол чашку с кофе.

Дженна хватается свой телефон.

С завтраком покончено.

Перед тем, как встать из-за стола, Миллисент сверлит меня взглядом. Она выглядит в точности как моя жена и в то же время совсем на нее не похожа.

* * *

Впервые я увидел Миллисент в аэропорту. Мне тогда было двадцать два, я возвращался из Камбоджи, где провел лето с тремя друзьями. Мы кайфовали каждый день и пили каждую ночь. И вообще не брились. Я улетел из страны чистеньким юношей-паинькой, а вернулся косматым бородачом с сильным загаром и десятком отличных историй. Ни в какое сравнение с Миллисент.

Я летел с пересадкой, впервые вернувшись в страну. И, пройдя таможню, направлялся во внутренний терминал, когда увидел Миллисент. Она сидела в зоне выхода на посадку в одиночестве, подпирая ногами свой чемодан, и смотрела в окно от пола до потолка, выходящее на бетонированный периметр аэродрома. Рыжие волосы были стянуты в нетугой хвост, на ней были джинсы, футболка и кеды. Я остановился понаблюдать за ней, пока она наблюдала за самолетами.

То, как она смотрела в окно, было нечто.

Я также пялился на самолеты перед вылетом в Камбоджу. Моей мечтой было путешествовать, повидать такие уголки мира, как Таиланд, Камбоджа и Вьетнам, и я эту мечту осуществил. Теперь я возвращался на родную землю, туда, где вырос. Но моих родителей уже не было, хотя я и не уверен, что у меня они когда-либо действительно были.

После Камбоджи моя мечта о путешествиях уже исполнилась, а другой у меня еще не было. Пока я не увидел Миллисент. Вид у нее был такой, словно она только предвкушала исполнение своей мечты. И мне захотелось стать ее частью.

Тогда, правда, я так не думал. Я пришел к такому заключению позднее, когда пытался объяснить самой Миллисент или кому-нибудь еще, почему я нашел ее столь привлекательной. Проведя в воздухе двадцать часов и еще не закончив свой путь домой, я не смог даже собраться с силами, чтобы заговорить с ней. Все, что получалось, – только восхищаться.

Оказалось, что мы летим одним рейсом. Я воспринял это как знак.

Миллисент села у иллюминатора, а у меня было место в центре среднего ряда. Но... немного уговоров, легкий флирт со стюардессой, двадцатидолларовая банкнота – и я оказался в кресле рядом с Миллисент. Она даже не подняла глаза, когда я сел.

К тому времени, как с нами поравнялась тележка с напитками, у меня созрел план. Я задумал заказать то же, что и Миллисент. Потому что уже решил для себя: она – особенная! И не мог даже вообразить, что она закажет себе что-то земное, вроде воды. Ее выбор должен был пасть на нечто более необычное – вроде ананасового сока со льдом. И, если бы я взял себе то же самое, то возник бы момент симметрии, симбиоза, счастливой «случайности» – не важно чего.

Учитывая то, как много времени прошло с тех пор, как я в последний раз спал, этот план казался мне правдоподобным, пока... Пока Миллисент не ответила стюардессе: «Нет, ничего не надо, спасибо». Она вообще не захотела брать напиток.

Я сделал то же самое. Но эффекта, на который рассчитывал, не дождался.

Но, когда Миллисент обратилась к стюардессе, я впервые разглядел ее глаза. Их цвет напомнил мне о пышных зеленых полях, которые я видел по всей Камбодже. И они еще не были такими темными, какими кажутся теперь.

А потом Миллисент снова вперила свой взгляд в иллюминатор. А я снова стал смотреть на нее, делая вид, что не делаю этого.

Я говорил себе, что я идиот, и должен с ней просто заговорить.

Я говорил себе, что со мной что-то не так, потому что нормальные люди не ведут себя подобным образом с девушкой, которой никогда прежде не видели.

Я призывал себя не уподобляться сталкеру.

Я убеждал себя, что она для меня слишком красива.

Через тридцать минут полета я выдавил из себя:

– Привет.

Она повернулась ко мне. Поглядела.

– Привет.

Думаю, в этот момент я перестал сдерживать дыхание.

Через много лет я спросил у нее – почему она все время смотрела в окна, и в аэропорту, и в самолете? Она ответила – потому что никогда не летала раньше, и единственное, о чем она тогда мечтала, – это о благополучной посадке.

3

Петра была в списке номером один. Но теперь, когда мы от нее отказались, я перехожу к следующему номеру – молодой женщине по имени Наоми Джордж. Я еще не общался с ней.

Вечером я еду на машине в отель «Ланкастер». Наоми работает там портье. Отель «Ланкастер» – один из тех осколков старого мира, которые сохраняются благодаря былой славе. Здание огромное и роскошно декорировано – сейчас бы такое возводить уже не стали. Построй его, как надо, вышло бы слишком дорого, а экономная подделка под старину выглядела бы до нелепости дешево.

Двери и боковые панели «Ланкастера» стеклянные, сквозь них отлично просматривается стойка портье. Наоми стоит за ней в гостиничной униформе: накрахмаленной белой блузке и синем костюме, и юбка и пиджак оторочены золотистой тесьмой. Волосы у Наоми длинные и темные, а веснушки на носу придают ей более моложавый вид, хотя Наоми уже двадцать семь. И, возможно, у нее до сих пор требуют документы в барах. Только она не настолько невинна, как выглядит.

Поздно ночью я не раз становился свидетелем ее слишком флиртового общения с постоянными мужского пола. Все они были одиноки, старше ее и хорошо одеты. Более того, Наоми не всегда уходит из отеля по окончании своей смены. Либо она подрабатывает, либо не гнушается случайными связями на одну ночь.

Благодаря социальным сетям мне известно, что Наоми обожает суши и не ест красное мясо. В средней школе она играла в волейбол и встречалась с парнем по имени Адам. Сейчас она называет его не иначе как «кретином». Ее последний бойфренд, Джейсон, три месяца назад куда-то свалил, и с тех пор Наоми одна. Она подумывала завести какого-нибудь домашнего питомца, скорее всего, кота, но пока не сподобилась. У нее больше тысячи онлайн-знакомых, но, насколько я могу судить, настоящих друзей всего двое. Ну, максимум, трое.

А я все еще не уверен, что она – та самая. Мне нужно узнать о ней больше.

Миллисент устала ждать.

Прошлой ночью я застал ее в нашей ванной стоящей перед зеркалом и снимающей макияж. В джинсах и футболке, провозглашавшей ее матерью семиклассницы-отличницы. Дженны, конечно.

– Что с ней было не так? – поинтересовалась у меня Миллисент. Она не назвала Петру по имени – не должна была. Я и так понял, о ком речь.

– Просто она оказалась не той.

Миллисент не взглянула на меня в зеркало. Она наносила лосьон на лицо.

– Это уже вторая, которую ты отмел.

– Она должна отвечать нашим требованиям. Ты же это понимаешь.

Миллисент с хлопком защелкнула крышку на бутылочке лосьона. Я ушел в спальню и присел на стул, чтобы снять ботинки. День выдался долгим, его следовало закончить, но Миллисент посчитала по-другому. Она проследовала за мной в комнату и встала у меня над головой.

– Ты уверен, что все еще хочешь это сделать? – спросила она.

– Да, – обошелся я односложным ответом.

Выказать больший энтузиазм мне не удалось. Меня слишком угнетало чувство вины за то, что я переспал с другой женщиной. Оно поразило меня вечером, когда я увидел престарелую семейную пару. Обоим было за девяносто. Они прогуливались вниз по улице, крепко держась за руки. Такие пары не изменяют друг другу. Я взглянул на Миллисент, и мне истово захотелось сделать нас подходящими на тех двух счастливицев.

Миллисент опустилась передо мной на колени и положила мне руку на ногу.

– Нам нужно это сделать.

Ее глаза блеснули. А мне передалось тепло ее руки, заскользившей по моей ноге вверх.

– Ты права, – сказал я. – Нам нужно это сделать.

Миллисент наклонилась ближе и наградила меня долгим глубоким поцелуем. От этого мое чувство вины только усугубилось. И резко возросло желание сделать все, что было в моих силах, лишь бы она была счастлива.

* * *

После того разговора с Миллисент не прошло и суток, а я уже сижу перед «Ланкастером». Смена Наоми заканчивается в одиннадцать вечера, и просидеть еще три часа перед телевизором нереально. Но, вместо того чтобы поехать домой, я перекусываю, а потом захожу в бар. Подходящее заведение, когда больше некуда податься.

Бар не такой замечательный, как тот, в котором мы были с Петрой. И он полупустой – в основном в нем толкуются одинокие мужчины. Коктейли стоят вдвое дешевле, и все посетители в костюмах уже ослабили свои галстуки. Деревянный пол испещрен царапинами от табуретов, а на стенах переплетаются кольца водяных знаков. Это место для выпивох, место, где все слишком пьяны, чтобы рассматривать детали декора.

Я заказываю пиво и смотрю бейсбол на одном экране и новостную программу на другом. Нижняя часть третьего иннинга, два аута. Завтра возможен дождь, но в целом сохранится солнечная погода. Тут, в Вудвью, всегда солнечно. Это такой своеобразный анклав в реальном мире. За час мы, его жители, можем оказаться у океана, в национальном заповеднике или в одном из крупнейших парков развлечений на свете, и мы всегда говорим, что счастливы проживать здесь – в Центральной Флориде. Особенно повезло тем, кто живет в Хидден-Оуксе. Это анклав внутри анклава.

Верх четвертого иннинга, один аут. Еще два часа до окончания рабочей смены Наоми, и я смогу за ней проследить.

И снова Линдси.

Ее улыбающееся лицо смотрит на меня с телеэкрана.

Линдси, с ее узкими карими глазами, прямыми светлыми волосами, естественным загаром и большими белыми зубами.

Она пропала год назад. Целую неделю она блистала звездочкой в новостях, а потом все случилось. За отсутствием близких родственников, никто не обратил на ее исчезновение внимания. Линдси не была пропавшим ребенком, она не была беззащитной. Она была взрослой женщиной, и не прошло недели, как о ней все позабыли.

Только не я. У меня в ушах до сих пор звучит ее смех. Достаточно заразительный, чтобы заставить меня тоже засмеяться вместе с ней. И снова видя ее лицо на экране, я вспоминаю, как сильно она мне нравилась.

4

Впервые я заговорил с Линдси во время утренней пробежки. Как-то в субботу я проследовал за ней до горных троп сразу за чертой города. Она побежала по одной, я – по другой, а через час мы столкнулись.

Увидев меня, Линдси кивнула и сказала «привет» – тоном, не приглашающим к продолжению разговора. Я помахал ей рукой и губами проартикулировал: «привет». Линдси неосознанно кинула на меня озадаченный взгляд, и я протянул ей свой мобильник – представиться.

«Привет! Извини, я, наверное, выгляжусь странно! Меня зовут Тобиас. Я глухой».

Так я усыпил ее бдительность.

Она тоже представилась, и мы немного поболтали, а потом присели выпить воды. Линдси предложила мне карамельку, у нее их было много.

Линдси закатила глаза, осуждая саму себя:

– Это ведь ужасно, да? Есть сладости во время тренировки. Но я их так люблю!

«Я тоже».

Я написал правду. Я не ел карамелек с тех пор, как был маленьким ребенком, но очень их любил.

Линдси рассказала мне о себе, о своей работе, доме и увлечениях – все то, что я уже знал. А я повторил ей те же истории, которые рассказывал всем остальным. Когда солнце поднялось, мы решили закончить нашу пробежку вместе. Большую часть пути мы хранили молчание, и мне это нравилось. Моя жена почти никогда не молчит.

Линдси отклонила мое предложение поужинать, но мы обменялись телефонами. Я дал ей номер, которым пользуюсь как Тобиас.

И через несколько дней после нашей пробежки Линдси прислала мне эсэмэску. Ее текст заставил меня улыбнуться:

«Было здорово встретиться с тобой на прошлой неделе. Надеюсь, мы еще когда-нибудь пробежимся вместе».

И мы пробежались.

Во второй раз – уже по другой тропе, севернее, близ национального парка Индиан-Лейк. Линдси снова прихватила с собой карамельки. А я взял плед. Мы остановились передохнуть в тенистом местечке, куда путь солнцу преграждала пышная листва. Когда мы присели, я улыбнулся своей спутнице. Искренне.

– Ты очень милый, – сказала она.

«Нет, это ты милая!»

А еще через несколько дней Линдси написала мне новое сообщение, но я его проигнорировал. К тому времени мы с Миллисент уже пришли к общему мнению: Линдси нам подходит!

И вот теперь, спустя год, Линдси снова на экране. Они ее нашли.

* * *

Из бара я направляюсь напрямик домой. Миллисент уже там, сидит на переднем крыльце. Она еще не переоделась после работы, и ее дорогие кожаные туфли гармонировали с цветом кожи. Миллисент считает, что они делают ее ноги длиннее, и я с этим согласен. Я подмечаю это каждый раз, когда она их надевает, даже сейчас.

Проработав целый день, а потом просидев в закрытом автомобиле, наблюдая за Наоми, я ощущаю себя копченой селедкой. Мне нужен душ! Но Миллисент и не думает воротить нос, когда я к ней подсаживаюсь. И прежде, чем я заговариваю, она произносит:

– Ничего страшного. Не стоит волноваться.

– Ты уверена? – спрашиваю я.

– Абсолютно.

А вот я не уверен. Мы должны были позаботиться о Линдси вместе, но все получилось иначе. И мне ничего не остается, как возразить.

– Я не понимаю, как...

– Это не проблема, – снова повторяет Миллисент и показывает пальцем на второй этаж дома. Там дети. Я хочу задать ей еще несколько вопросов, но они прилипают к моему языку.

– Нам придется подождать, – говорю я. – Сейчас нам лучше ничего не делать.

Жена не отвечает.

– Миллисент?

– Я слышу тебя.

Слышать-то она слышит, но понимает ли? Может, спросить для верности? Да нет, не стоит. Я уверен, что Миллисент все понимает. Просто ей это не нравится. Она сожалеет, что Линдси нашли именно сейчас, когда мы нашли очередную женщину.

Похоже, у моей жены уже развилась зависимость.

И не только у нее.

* * *

Наше знакомство в самолете не вылилось в любовь с первого взгляда. Для Миллисент. У нее не возникло ко мне даже легкого интереса. Сказав «привет», она отвернулась и снова уставилась в окно иллюминатора, а я вернулся к тому, с чего начал. Откинувшись на подголовник, я закрыл глаза и отругал себя за то, что не нашел в себе мужества сказать ей что-то еще.

– Прошу прощения...

Мои веки мгновенно взмыли вверх.

Она смотрела на меня своими огромными зелеными глазами, озабоченно наморщив лоб.

– С вами все в порядке?

Я кивнул.

– Вы уверены?

– Уверен. Только я не понимаю, почему вы...

– Потому что вы бьетесь головой об это, – указала Миллисент на подголовник. – Вы трясете сиденье.

Я даже не заметил, что это делал. Думал, что ругал себя только мысленно.

– Извините...

– Так вы нормально себя чувствуете?

Я уже вполне очухался, чтобы осознать: девушка, на которую я смотрел, разговаривала со мной! И даже выглядела взволнованной.

Я улыбнулся:

– Нормально, правда! Просто я...

– Вы били себя по голове. Я тоже бью.

– За что?

– За множество вещей, – пожала она плечами.

Я ощутил жуткое желание узнать, что могло побуждать такую девушку биться в раздражении головой, но самолет уже выпустил шасси, и времени на долгие разговоры у нас не осталось.

– Назовите мне хотя бы одну? – спросил я.

Она задумалась над моим вопросом, даже приложила к губам указательный палец, а я с трудом сдержал улыбку, заигравшую на моих губах, – не потому, что это выглядело очаровательно, а потому что я добился ее внимания.

После того как самолет приземлился, она ответила:

– Придурки... Придурки в самолетах, которые пристают ко мне, когда я хочу, чтобы меня оставили в покое.

Даже не осознав, не сообразив, что Миллисент имела в виду меня, я поспешил ее заверить:

– Я могу вас от них защитить.

Ошеломленная, она уставилась на меня. А когда поняла, что я сказал это на полном серьезе, звонко расхохоталась.

И когда я смекнул, почему она прыснула со смеху, я тоже расхохотался.

К тому моменту, как мы подошли к телескопическому трапу, мы не только познакомились, но и обменялись телефонными номерами.

И, прежде чем уйти прочь, она спросила:

– Как?

– Что «как»?

– Как бы ты меня защитил ото всех этих придурков в самолетах?

– Я бы усадил их посередине салона, выгнул бы подлокотники и порезал бы их наглые морды инструкцией о действиях в аварийных ситуациях.

Она снова разразилась смехом и на этот раз хохотала дольше и еще заливистей, чем до этого. А мне до сих пор нравится слушать ее смех.

Тот разговор стал частью нас обоих. В наше первое совместное Рождество я приволок ей в подарок громадную коробку – достаточно большую, чтобы вместить огромный телевизор. Коробка была целиком обернута блестящей бумагой и перевязана бантом. Но единственной вещью, лежавшей в ней, была инструкция о действиях в аварийных ситуациях.

С тех пор на каждое Рождество мы старались делать друг другу креативные подарки, в напоминание о той шутке. Однажды я подарил Миллисент авиационный спасательный жилет, а она перенарядила нашу елку, украсив ее кислородными масками.

И с тех пор, всякий раз, когда я сажусь в кресло самолета и вижу аварийную инструкцию, я улыбаюсь.

Странно другое: спроси меня кто-нибудь, с какого момента у меня и Миллисент все завертелось, пришло в движение и привело к тому, что у нас происходит сейчас, я бы назвал именно ту свою шутку о порезах.

А случилось все, когда Рори было восемь лет. У нашего сына имелись друзья, но не слишком много. Он рос не паинькой, но и не хулиганом – обычным ребенком. И для нас стало неожиданностью, когда мальчишка по имени Хантер порезал его бумагой. Намеренно. Ребята поспорили о том, какой супергерой был самым сильным. Хантер разозлился и порезал Рори. Порез пришелся на ямку между большим и указательным пальцами его правой руки и оказался достаточно болезненным, чтобы Рори закричал.

Хантера отправили на день домой, а Рори пошел к медсестре. Та забинтовала ему руку и угостила леденцом на палочке, без сахара, и Рори тотчас же забыл про боль.

Но в ту ночь, когда дети заснули, мы с Миллисент заговорили о порезах бумагой. Мы лежали в постели, за секунду до этого она выключила свой ноутбук, а я – телевизор. Занятия в школе только начались, и летний загар жены еще не полностью поблек. Она не играла в теннис, но любила плавать.

Миллисент взяла мою руку и провела ногтем по коже между большим и указательным пальцами.

– У тебя когда-нибудь был здесь порез?

– Нет. А у тебя?

– Был. Адски больно.

– Кто тебя порезал?

– Холли.

Я мало что знал о Холли. Миллисент почти никогда не рассказывала о своей старшей сестре.

– А почему она тебя порезала? – спросил я.

– Мы составляли коллажи любимых вещей, вырезали картинки из журналов и приклеивали их на большие куски цветного картона. Мы с Холли схватились за одну картинку одновременно и... – Миллисент передернулась, – я порезалась.

– Ты вскрикнула?

– Не помню. Но я заплакала.

Я поднял ее руку и поцеловал давно заживший порез.

– А что вы с Холли любили?

– Что?

– Ну, ты сказала, что вы вырезали картинки любимых вещей. Мне интересно – каких?

– Ой, нет, давай не будем об этом. – Миллисент выдернула руку из моих пальцев и погасила свет. – Ты же не собираешься превратить эту историю в еще один сумасшедший рождественский обычай...

– А тебе он не нравится?

– Нравится. Но одного вполне достаточно. Другого не надо.

Я понимал, что не надо, и старался избегать упоминаний о Холли. Миллисент не нравилось о ней говорить. Вот почему я спросил у нее про любимые вещи. А мне следовало спросить о Холли...

5

Линдси в новостях постоянно. Она единственная, кого нашли. И первым сюрпризом для меня стало место, где ее обнаружили.

В последний раз я видел Линдси в одном Богом забытом местечке. Мы с Миллисент завели ее далеко в болото рядом с природным заповедником в надежде на то, что дикие звери найдут ее раньше людей. Линдси была еще жива, и мы собирались убить ее вместе. Таков был наш изначальный план.

В том-то и загвоздка.

Нам пришлось менять его на ходу, из-за Дженны. Мы специально так подстроили, чтобы дети заночевали у своих друзей. Рори играл с приятелем в видеоигры, а Дженну мы оставили на «ночном девичнике» у одной из ее подружек, в компании дюжины двенадцатилетних девчонок. Когда телефон у Миллисент замяукал, я сразу понял – звонок от Дженны. Миллисент ответила на него еще до второго «мяу».

– Дженна? Что такое?

Я перевел взгляд на жену, слушающую дочь. И с каждым кивком ее головы мое сердце билось быстрее и быстрее.

Линдси лежала на земле, ее загорелые ноги распластались в грязи. Действие лекарства, которым мы ее вырубали, уже слабело, и Линдси начала потихоньку шевелиться.

– Солнышко, ты можешь передать телефон миссис Шиэн? – спросила Миллисент и снова закивала головой.

Когда Миллисент вновь заговорила, тон ее голоса изменился:

– Я понимаю. Спасибо вам большое. Я сейчас подъеду. – Она нажала на кнопку «отбой».

– Что...

– Дженну тошнит. Расстройство желудка, а может, и пищевое отравление. Она провела в туалете целый час. – Прежде чем я смог ответить, Миллисент добавила: – Поеду за ней.

Я помотал головой:

– Нет, за Дженной поеду я.

Миллисент не возражала. Она опустила глаза на Линдси, а потом снова перевела их на меня:

– Но...

– Я заберу Дженну и отвезу ее домой, – сказал я.

– Ладно, я смогу о ней позаботиться, – покосилась на Линдси Миллисент. Она имела в виду не нашу дочь.

– Конечно, сможешь, – кивнул я. У меня и сомнений не возникало на этот счет. Я испытал лишь досаду, что все пропущу.

Когда я приехал к Шиэнам, Дженне все еще было плохо. По дороге домой мне пришлось дважды останавливаться – дочку рвало. Я просидел с ней почти всю ночь.

Миллисент вернулась домой перед рассветом. Я не спросил, перевозила ли она Линдси, потому что предположил, что она похоронила ее в каком-нибудь пустынном месте. И я понятия не имею, как тело Линдси оказалось в номере 18 в мотеле «Мунлайт».

Этот мотель закрылся после строительства новой автострады более двадцати лет назад. Зброшенное здание облюбовали грызуны, преступники, бомжи и наркоманы. Никто не обращал на него внимания, потому что никому не нужно было проезжать мимо: Линдси нашли там какие-то подростки. Они же и вызвали полицию.

Мотель – одиночное одноэтажное строение, с номерами по обе стороны. Комната под номером 18 находится в углу тыльной части здания, с дороги ее не видно.

И вот сейчас я смотрю по телевизору на этот мотель с воздуха и пытаюсь себе представить: Миллисент объезжает его, паркуется, выходит из машины, открывает багажник и... волочет Линдси по земле.

«Неужели она настолько сильна, что смогла это сделать?» – закрадывается ко мне в голову сомнение. Линдси занималась спортом и была довольно мускулистой. Возможно, Миллисент перевезла ее на чем-нибудь с колесами. На тележке, к примеру. Моя жена достаточно находчива, чтобы придумать выход из любой затруднительной ситуации.

Репортер молодой и очень старается. Он говорит так, словно каждое слово имеет значение. Он рассказывает, что Линдси была завернута в полиэтилен, засунута в шкаф и накрыта одеялом. Подростки нашли ее только потому, что играли в пьяные прятки. Я не знаю, как долго Линдси пролежала в шкафу, но репортер говорит, что ее тело удалось идентифицировать только по записям зубной формулы. Результаты ДНК-тестов пока не готовы, а отпечатки пальцев полиция использовать не могла, потому что пальцы у Линдси были отпилены.

Я стараюсь не представлять себе, как Миллисент это сделала, и что она вообще такое сделала, но эта сцена назойливее прочих берedit мое воображение.

Я то и дело воображаю себе улыбочное лицо Линдси, ее белые зубы; то, как моя жена отпиливает ей кончики пальцев, как тащит ее тело в номер мотеля и запихивает его в шкаф. Все эти образы мелькают перед моими глазами не только днем, но и вечером, когда я пытаюсь заснуть. А Миллисент выглядит как ни в чем не бывало. Она держится совершенно естественно и когда приходит домой с работы, и когда готовит на скорую руку салат, и когда снимает макияж, и когда работает за компьютером перед тем, как улечься в постель. Если жена и слушала новости, то виду не показывает. И я в который раз собираюсь ее спросить: почему и как Линдси оказалась в мотеле?

Но не спрашиваю. Потому что могу думать только об одном: почему я должен ее спрашивать об этом, почему она сама мне не рассказала.

На следующий день она звонит мне ближе к вечеру, и эти вопросы едва не слетают с моих губ. Более того, у меня на языке вертится новый вопрос: есть ли еще что-то такое, чего я не знаю?

– Ты помнишь, что мы ужинаем сегодня с Престонами? – напоминает мне Миллисент.

– Помню, – отвечаю я.

Хотя на самом деле забыл. Миллисент это знает и сообщает мне название ресторана, не дожидаясь, пока я его спрошу.

– В семь часов, – говорит она.

– Я буду ждать тебя там.

* * *

Энди и Триста Престоны купили свой дом у Миллисент. Энди старше меня на несколько лет, но я знаю его с малых лет. Он вырос в Хидден-Оуксе, мы ходили в одни школы, и наши родители общались друг с другом. Теперь Энди работает на фирме по разработке и распространению программного обеспечения и загребает достаточно бабок для того, чтобы хоть каждый день брать у меня уроки тенниса. Но он этого не делает – предпочитает отращивать брюхо.

А вот его жена берет уроки тенниса. Триста тоже выросла в здешних краях, но она не из Оукса, а из другой части Вудвью. Мы встречаемся с ней дважды в неделю, а большую часть своего времени она проводит за работой в художественной галерее. Вместе Престоны зарабатывают вдвое больше нас с Миллисент.

Жена отлично осведомлена о доходах своих клиентов; у большинства из них он выше нашего. И должен признаться, меня это тяготит больше, чем Миллисент. Жена полагает – это потому, что ее заработок больше моего. Но тут она ошибается. Это потому, что Энди зараба-

тывает больше меня. Только я не говорю об этом жене. Она не из Оукса и не понимает, каково это – вырасти здесь и здесь же остаться.

Мы ужинаем в первоклассном ресторане, где все едят салат, курицу или форель и пьют красное вино. Энди и Триста опустошают целую бутылку. Миллисент не пьет и терпеть не может, когда выпивает ее муж. В ее присутствии я не пью.

– Завидую я тебе, – признается мне Триста. – Хотелось бы мне иметь такую работенку, как у тебя, и проводить на свежем воздухе целый день, мне нравится играть в теннис.

Энди улыбается. Его щеки покраснели.

– Но ты же работаешь в художественной галерее. Это практически то же самое.

– Находиться на природе и работать на свежем воздухе – не одно и то же, – говорю я. – Я бы предпочел просиживать все дни на пляже, ничего не делая.

Триста хмыкает в свой дерзкий нос:

– По-моему, это очень скучно – лежать без движения, просто так. Я бы умерла с тоски от безделья.

Меня подмывает ей сказать, что брать уроки тенниса и обучать этой игре других – совершенно разные вещи. Когда ты работаешь, ты меньше всего думаешь о природе или свежем воздухе. Большую часть времени ты тратишь, пытаешься обучить игре в теннис людей, которые бы с большей охотой болтали по телефону, смотрели телевизор, ели или выпивали. Мне хватит пальцев на одной руке, чтобы перечислить тех, кто действительно желает играть в теннис, а не приходит на мои уроки ради поддержания формы. Триста – одна из таких. Ей вовсе не нравится теннис. Ей нравится хорошо выглядеть.

Но я держу рот на замке, ведь именно так поступают друзья. Мы не указываем друг другу на недостатки, когда нас о них не спрашивают.

Разговор переходит на работу Энди, и я выключаюсь из него, улавливая только ключевые слова. Меня отвлекает звучание серебряных приборов. Всякий раз, когда Миллисент отрезает кусочек от запеченной курятины, я думаю о том, как она убивала Линдси.

– Внимание, – произносит Энди. – Это единственное, что волнует все компании по разработке программного обеспечения. Как мы можем привлечь ваше внимание и удержать его? Как мы можем вас заставить просиживать за компьютером целый день?

Я закатываю глаза. Когда Энди выпьет лишнего, он начинает проповедовать. Или читать лекции.

– Ну давай, – говорит он. – Ответь мне на один вопрос. Что тебя удерживает перед экраном компьютера?

– Видео с кошками, – отвечаю я.

Триста хихикает.

– Не ерничай, – кривится Энди.

– Секс, – подает голос Миллисент. – Скорее всего, секс или жестокость.

– Или и то и другое, – вставляю я.

– На самом деле видео совсем не обязательно должно содержать секс, – говорит Энди. – Я имею в виду голый секс. Что действительно необходимо, так это обещание секса. Или жестокости. Или и того и другого. И еще должна быть сюжетная линия, история. Не важно какая – реальная или выдуманная. И не важно, кто эту историю рассказывает. Важно вызвать у людей интерес, чтобы им захотелось узнать: что будет дальше.

– И как вы этого добиваетесь? – спрашивает Миллисент.

Энди улыбается и указательным пальцем очерчивает в воздухе невидимый круг.

– Секс и жестокость.

– Это везде присутствует. Даже новости строятся на сексе и насилии, – замечаю я.

– Все в этом мире вращается вокруг секса и насилия, – говорит Энди. Он снова выписывает указательным пальцем круг и обращается ко мне: – Ты это знаешь, ты же отсюда.

– Знаю, – поддакиваю я. По данным официальной статистики, Оукс – одна из самых безопасных общин в штате. Но это потому, что все насилие здесь случается за закрытыми дверями.

– Я тоже это знаю, – говорит Триста мужу. – Вудвью не многим отличается от Оукса.

Отличается. И сильно. Но Энди не вступает в спор с женой. Вместо этого он наклоняется к ней и чмокает в губы. Когда их губы соприкасаются, Триста дотрагивается ладонью до щеки Энди.

А я завидую.

Завидую простоте их общения. Завидую их хмельному состоянию. Завидую их незатейливой прелюдии к сексу, который у них будет ночью.

– Думаю, нам пора по домам, – бормочу я.

Энди мне подмигивает. Я перевожу взгляд на Миллисент – она смотрит в свою тарелку. Ей противны публичные проявления любви, симпатии или привязанности.

Когда официант приносит нам счет, Миллисент и Триста встают из-за столика и проходят в туалетную комнату. Энди хватает чек раньше меня.

– Не вздумай мне перечить, я плачу, – говорит он, глядя в чек. – Тем более что вы, ребята, ненамного насидели. Без алкоголя-то.

– Мы вообще много не пьем, – пожимаю я плечами.

Энди улыбается, покачивая головой.

– Что? – переспрашиваю я.

– Если бы я знал, что ты превратишься со временем в такого занудного семьянина, я бы заставил тебя потусить в Камбодже подольше.

Я повожу глазами:

– Теперь ты ерничаешь.

– Для этого я сюда и пришел.

Парировать я не успеваю – наши жены возвращаются к столику, и мы с Энди сразу прекращаем разговоры о выпивке. И о счете за ужин тоже.

Вчетвером мы выходим из ресторана и прощаемся на парковке. Триста расстается со мной до следующего занятия. Энди клятвенно обещает, что вскоре тоже будет посещать мои уроки. Триста за его спиной закатывает глаза и тихонько посмеивается. А потом они уезжают, и мы с Миллисент остаемся вдвоем. Мы встречались с ней у ресторана – и каждый из нас подъехал к нему на своей машине.

Миллисент поворачивается ко мне. В свете уличных фонарей она выглядит такой старой, какой я никогда еще ее не видел.

– Ты как? – спрашивает она меня.

Я вздрагиваю:

– Нормально...

А что еще я могу ей сказать?

– Ты чересчур переживаешь из-за этой истории, – вперяет взгляд в поток машин Миллисент. – Все хорошо. Все просто прекрасно.

– Надеюсь, что так.

– Доверься мне. – Миллисент вставляет свою ладонь в мою руку. И крепко сжимает ее.

Я киваю ей, сажусь в свою машину, но еду домой не сразу, а проезжаю мимо отеля «Ланкастер».

Наоми стоит за стойкой портье. Ее темные волосы свободно падают на плечи. И, хотя веснушки на ее носу мне не видны, мне кажется, что я их вижу.

Я ощущаю облегчение от того, что вижу ее, от того, что она все еще работает портье и, наверное, продолжает подрабатывать на стороне. У меня не было оснований подозревать, что

с Наоми что-то случилось, ведь мы с женой договорились подождать, так что проверять, на месте ли Наоми, бессмысленно и нелогично. Но я это делаю.

Это не первый раз, когда я поступаю нелогично. С тех пор, как обнаружили тело Линдси, я начал плохо спать: просыпаюсь посреди ночи, сердце бешено колотится. И из-за какого-нибудь бессмысленного вопроса. Запер ли я входную дверь? Оплатил ли те счета? Не забыл ли сделать то, что я должен был сделать, чтобы наш дом не сгорел и не стал добычей банка? И не врежется ли во что-нибудь мой автомобиль, потому что я не проверил вовремя тормозные колодки?

Все эти мелкие заботы отвлекают меня от мыслей о Линдси. И от того факта, что я уже ничего не могу изменить.

6

Субботное утро.

У Дженны сегодня футбольный матч. Я смотрю его один; Миллисент показывает клиенту дом. Суббота – самый насыщенный день недели и для риелтора, и для учителя тенниса, и для наших спортивных детей. Мы с Миллисент по очереди проводим с ними субботы. И в последний раз мы собирались все вместе более года назад – когда Рори вышел в финал детского турнира по гольфу. Сын и сейчас играет в гольф. Я отвез его на тренировку рано утром, до того, как начался матч у его сестры. Рори состоит в том же клубе, в котором я обучаю клиентов теннису, но играет в гольф, потому что это не теннис. И меня это злит и бесит, чего мой сын, собственно, и добивается.

Дженна, напротив, не проявляет бунтарства. Она не пытается быть трудным ребенком. Если она делает что-то, то не в пику кому-либо, а потому что ей этого хочется. И я очень ценю это качество в дочери. А еще Дженна много улыбается, чем побуждает меня улыбаться в ответ и давать ей все, что она жаждет получить. Я понимаю, что рискую ее «упустить», и это пугает меня до чертиков. Но поделаться с собой ничего не могу, и Дженна продолжает вить из меня веревки.

Футбол не мой спорт. Я выучил его правила только тогда, когда им увлеклась моя дочь. Так что от меня ей помощи мало. Я не могу подсказать, как поступить или как сыграть лучше в той или иной ситуации, – что я наверняка бы сделал, играй она в теннис. Хорошо хоть, Дженна – вратарь. Я, по крайней мере, понимаю, что ее дело – не давать другой команде забивать и набирать очки. А в остальном я могу ее лишь подбадривать.

«Ты сможешь!»

«Отлично сработано!»

«Молодчина!»

Я часто задаюсь вопросом: а не смущаю ли я Дженну? Наверное, смущаю, но все равно это делаю. А иначе что? Смотреть ее игры каменным истуканом, в полном молчании? По-моему, это еще хуже. Бессердечно и даже жестоко, уж лучше смущать. И когда Дженна перехватывает мяч, готовый залететь в сетку, я беснуюсь как сумасшедший. Она улыбается, но все же машет мне рукой, намекая: умолкни! В такие моменты я не думаю ни о чем, кроме своей дочери и ее футбольного матча.

Но тут вмешивается Миллисент со своей эсэмэской:

«Не волнуйся».

Это все, что она мне пишет.

На поле кричат дети. Другая команда пытается атаковать ворота, и моей дочери снова придется ловить мяч. Дженна промахивается.

Она поворачивается – спиной ко мне, руки на бедрах. Мне хочется ей сказать: ничего страшного, ошибиться может каждый. Но именно этого делать не стоит. Все родители так говорят, и все дети воспринимают подобные утешения в штыки. Я так же на них реагировал когда-то.

Дженна смотрит вниз, на траву. Какая-то девчонка из ее команды подходит к ней, гладит по плечу и что-то говорит. Дженна кивает и улыбается. А мне интересно – что такого сказала ей напарница? Возможно, то же, что сказал бы и я, только из уст приятельницы это прозвучало значимей.

Игра возобновляется. Я снова опускаю взгляд на телефон: от Миллисент больше нет сообщений. Я просматриваю новости, и дыхание у меня перехватывает.

По заключению судмедэксперта, Линдси умерла всего несколько недель назад. Миллисент где-то продержала ее живой почти год!

* * *

У меня возникает непреодолимое желание бежать. Куда – не знаю, не имеет значения. Что-то сделать. Но что? Я понятия не имею! Мне просто хочется куда-нибудь исчезнуть.

Но я не могу оставить Дженну на футбольном поле одну, без своей поддержки. Я не могу бросить свою дочь, и сына тоже.

Когда матч Дженны заканчивается, я забираю Рори из клуба, и мы втроем, по уже заведенной привычке, поедаем «послеспортивную» пиццу, сдабривая ее замороженным йогуртом. Мне трудно поддерживать разговор, и Рори с Дженнкой это замечают. Они же мои дети! Они видят меня каждый день и мгновенно понимают, когда что-то не так, а я порой терзаюсь вопросом: что они думают о Миллисент?

Ведь по ее виду никогда не поймешь, что что-то не так, а в последний год она и вовсе выглядела спокойной... Чересчур спокойной для себя... О том, что пора подобрать следующую женщину, она намекнула лишь месяц назад.

Точно! Все встает на свои места! Миллисент не просила подыскать новую женщину, пока не убила Линдси!

Весь прошлый год я пытался заполнить работой, заботой о детях, домашними делами, оспариванием счетов и регулярным мытьем машины. Ничего знаменательного в моей жизни не произошло. Никакого памятного события, ни одного яркого дня, ничего, что бы я вспоминал и через двадцать, и через тридцать, и через сорок лет. У Миллисент год выдался урожайным на клиентов. Цены на газ то подскакивали вверх, то понижались. Местные выборы пришли и прошли. Моя любимая химчистка закрылась, и мне пришлось подыскивать новую.

Нет, химчистка вроде бы закрылась два года назад. Хотя какая разница?

Весь этот год Линдси была жива, Миллисент держала ее в плену.

В моем воображении мелькают вереницы разных картин: от тревожных и расстраивающих до жутких и самых диких. Я представляю себе сцены, о которых слышал в новостях: когда женщин находили после многолетнего плена, в котором их удерживали мужчины с разными психическими отклонениями. Но мне никогда не доводилось слышать, чтобы что-то подобное учиняла женщина. И, как мужчина, я не могу себе представить, чтобы такое сделал я сам.

Оставив детей дома, я еду к Миллисент. Дом, который она сейчас продает, находится всего в нескольких кварталах от нас. Я доезжаю туда минут за пять. Перед входом в здание стоят два автомобиля. Один – Миллисент, другой – внедорожник.

Я жду.

Через двадцать минут из дома выходит моя жена в сопровождении семейной пары, моложе нас. Глаза у женщины широко распахнуты. Мужчина улыбается. Пожимая им руки, Миллисент краешком глаза замечает меня. Я чувствую, как задерживаются на мне ее зеленые глаза, но жена не замедляет своих плавных движений.

Супружеская пара направляется к своей машине. Провожая ее взглядом, Миллисент остается стоять у входа в дом. Сегодня на ней синий наряд – узкая юбка, блузка в полоску, туфли на каблуках, ее прямые рыжие волосы сейчас отрезаны по подбородок. Они были гораздо длиннее, когда мы познакомились. Но с каждым годом становились все короче и короче, словно Миллисент дала себе обет периодически подрезать их на полдюйма. И я не удивлюсь, если окажется, что так оно и было. Пожалуй, я теперь не удивлюсь ничему.

Миллисент дожидается, когда внедорожник уедет, и только потом поворачивается ко мне. Я выхожу из машины и иду к зданию.

– Ты расстроен, – говорит мне жена.

Я только молча смотрю на нее в ответ.

– Давай зайдем внутрь, – устремляется к входу Миллисент.

Мы заходим. Вестибюль очень просторный, потолки высотой более двадцати футов. Новое строение, почти как наше, только большее по площади. Все пространство открытое и воздушное. И организовано так, чтобы направить посетителя напрямик в большую залу. Туда проходим и мы с Миллисент.

– Что ты с ней делала? Целый год? Что ты с ней делала?

Миллисент мотает своей головой. Ее волосы колыхнутся взад-вперед:

– Мы не можем обсуждать это сейчас.

– Мы должны...

– Не здесь. У меня назначена встреча.

Миллисент ускоряет шаг и отрывается от меня, но я упорно следую за ней.

* * *

Через несколько месяцев после нашей свадьбы Миллисент забеременела. Мы с ней договаривались повременить с детьми, поэтому такая новость для меня оказалась «сюрпризом». Но не полным, потому что предохранялись мы с ней не всегда. Мы с Миллисент обсуждали разные способы предохранения, но всегда возвращались к презервативам: жене не нравились гормональные препараты. От них она становилась чересчур эмоциональной.

Когда у Миллисент случилась задержка, мы оба заподозрили, что она беременна. Наше подозрение подтвердилось сначала дома, после теста на беременность, а потом и в кабинете у врача. В тот вечер я никак не мог заснуть. Мы с Миллисент долго провалялись на диване, купленном в секонд-хенде, в нашем захудалом арендованном домишке. Свернувшись калачиком рядом с женой и положив свою голову ей на живот, я терзался сомнениями.

– А может, нам от него избавиться? – спросил я.

– Нет, – отрезала Миллисент.

– Нам нужны деньги. На что мы будем...

– Мы справимся.

– Я не хочу прозябать в нищете вечно. Я хочу жить в достатке. Я хочу...

– У нас все будет, – и ребенок, и достаток.

Я поднял голову и взглянул на нее:

– Почему ты так во всем уверена?

– А почему ты во всем не уверен?

– Вовсе нет, – возразил я. – Просто я...

– Просто ты беспокоишься.

– Ну да.

Миллисент вздохнула и нежно спихнула мою голову со своего живота:

– Не глупи, – сказала она. – У нас все будет хорошо. Даже лучше, чем просто хорошо.

Еще несколько минут назад я чувствовал себя скорее ребенком, чем мужчиной, которому скоро предстоит стать отцом. Миллисент зарядила меня силой и уверенностью.

С первых дней нашего брака и безденежья мы с Миллисент проделали долгий путь. Я пошел учиться на магистра делового администрирования, но мне оставалось еще два курса, когда она забеременела. Мы очень нуждались в деньгах, и я бросил учебу и вернулся к тому, что умел делать лучше всего – игре в теннис. Это был мой единственный талант. Это было то, что я делал лучше любого, с кем вырос. Теннисный корт был тем местом, где я по-настоящему блистал. Не так ярко, чтобы стать профессиональным спортсменом, но достаточно ярко, чтобы начать предлагать всем желающим частные уроки.

Миллисент на момент нашего знакомства только закончила курсы риелторов и готовилась к экзамену. После его сдачи она не сразу начала торговать недвижимостью, но все-таки

начала и продолжала этим заниматься, даже когда ходила беременной, даже когда наши дети были совсем крохами.

Моя жена оказалась права. У нас все получилось. И теперь у нас все хорошо. Даже лучше, чем просто хорошо. И, насколько мне известно, мы пока еще не избавлялись от детей.

7

Но сейчас, когда мы стоим в этом пустом доме, который она пытается продать, Миллисент не заряжает меня ни силой, ни уверенностью. Она пугает меня.

– Все плохо, – говорю я. – В этом нет ничего хорошего.

Миллисент приподнимает бровь. Обычно это выглядело мило.

– В тебе проснулась совесть?

– Она всегда у меня была...

– Нет. Не думаю.

И она снова права. Меня не мучила совесть, когда я старался сделать ее счастливой.

– Что ты с ней делала? – повторяю я свой вопрос.

– Это не важно. Ее больше нет.

– Теперь уже нет.

– Ты слишком сильно переживаешь. У нас все хорошо.

Звонок в дверь.

– Работа зовет, – улыбается мне Миллисент.

Я иду вместе с ней до двери. Миллисент представляет меня клиентам, рассказывает им о моем мастерстве теннисиста.

Эта пара того же возраста, что и предыдущая, – такие же молодые и такие же невежественные.

Я отправляюсь домой и... проезжаю мимо нашего дома.

Сначала я заезжаю в «Ланкастер». Наоми там, за стойкой портье, и до конца ее смены еще несколько часов.

Затем я минуя загородный клуб. Может, мне отвлечься? Зависнуть в этом клубе, поболтать с кем-нибудь из моих клиентов за просмотром спортивной игры? И снова я не останавливаюсь.

В голове проносятся другие места: бар, парк, библиотека, кинотеатр. Я сжигаю почти половину бензобака, крутюсь по округе и пытаюсь выбрать, куда мне поехать. И, в конечном итоге, выбираю неизбежное.

Я еду домой.

Я всегда туда возвращаюсь.

Открыв входную дверь, я слышу звуки моей жизни. Моей семьи. Единственного реального мирка за все мое брренное существование.

Рори играет в видеоигру: по дому разносятся хлопки электронных выстрелов. Дженна висит на телефоне, болтает, шлет эсэмэски и накрывает на стол. По всей большой комнате витает запах ужина – чеснока, курицы и чего-то с корицей. Миллисент стоит за рабочим кухонным столом и что-то мурлычет себе под нос. Она всегда напевает, готовя пищу. А ее выбор песни, как правило, непредсказуем. Это может быть мелодия из телешоу, оперная ария или попсовый хит. Жена вскидывает на меня взгляд и улыбается. Искренне. Я вижу это по ее глазам.

Мы всей семьей садимся за стол и поглощаем пищу. Дженна развлекает мать и заставляет скучать брата подробным рассказом о футбольном матче. Рори хвастается своими успехами: сегодня он был лучшим среди гольфистов младше шестнадцати. Так же обычно проходят наши общие застолья и в большинство других дней – бурные и шумные, наполненные рассказами о событиях дня и приятной расслабленности в домашней обстановке.

«И сколько раз мы так весело сживали, пока Линдси томила в плену?» – внезапно закрадывается в мой разум противная, неуютная мысль.

* * *

Спать я ложусь, удивляясь: вот уже несколько часов я не думал ни о Линдси, ни о полиции, ни о том, что мы с Миллисент творили. Вот какое воздействие оказывают на меня мой дом и все, что с ним сопряжено.

Мое детство было другим. Я рос в полноценной семье, с двумя родителями, в нашем прекрасном доме в Хидден-Оуксе, с двумя машинами, хорошими школами и множеством кружков по развлечениям, но мы никогда не ели вместе, как принято сейчас в моей семье. А если нам и доводилось обедать или ужинать одновременно, то мы игнорировали друг друга. Отец читал газету, мать смотрела стеклянными глазами в пространство, а я старался поесть, как можно быстрее, и выбежать из-за стола.

Родители выбирались посмотреть на мою игру в теннис, только если это был турнир и я проходил в последний раунд. И никто из них – ни мать, ни отец – не жертвовал ради меня своей субботой. Дом был местом для сна и хранения вещей, местом, которое мне хотелось быстрее покинуть. И я его покинул. Я уехал из страны при первой же возможности. Невозможно всю жизнь ощущать себя чьим-то разочарованием.

Впрочем, я не уверен, что дело было во мне. Может, я был единственный, кто мог скрепить родительский брак. Размышляя над этим годами, многократно прокручивая в голове воспоминания детства, я пришел к выводу, что родители и завели меня в надежде на то, что я укреплю их брак. Не сработало, и их разочарование обернулось моей несостоятельностью.

Я вернулся в Хидден-Оукс только потому, что моих родителей не стало. Глупая авария, которую нельзя было ни предугадать, ни предотвратить. Они ехали по автостраде, и у автомобиля впереди вдруг отлетело колесо. Оно врезалось в лобовое стекло роскошного отцовского седана, и мать с отцом погибли. Ушли сразу, так и не успев разойтись. Так и оставшись вместе и, без сомнения, несчастными.

Я не видел их тел. В полиции мне сказали, что лучше мне на них не смотреть.

А потом выяснилось, что у родителей было намного меньше денег, чем они делали вид. И я вернулся в дом, заваленный закладными. Денег едва хватило на гонорар адвокату по недвижимости – чтобы он все уладил и избавил меня от такого наследства. Мои родители оказались даже не теми, кем я их считал: они оказались обманщиками. Они не могли себе позволить жить в Хидден-Оуксе, лишь притворялись, что могли. А у меня не осталось никакой семьи, пусть даже плохой. А какая она – хорошая семья – я попросту не знал.

Нашу семью выстроила Миллисент. Я говорю так, потому что у меня самого ничего бы не вышло. Я и понятия не имел, как обустроить домашний быт или собирать всех членов семейства за общим застольем. А Миллисент это знала и умела. Первый раз, когда Рори смог сесть на высокий стул, Миллисент пододвинула его к столу, и с тех пор мы ели всегда вместе. И, несмотря на возрастающее недовольство наших взрослеющих детей, мы до сих пор едим вместе.

Когда жена ходила беременной Дженной, она придумала для нашей семьи свод правил. Я их называю «Заповедями Миллисент».

Завтрак и ужин вместе, всегда.

Никаких игрушек или телефонов за столом.

Разрешения на них можно заслужить, только выполняя хозяйственные работы по дому.

Раз в неделю вечером общий просмотр кино.

Сахар ограничивается и заменяется по возможности фруктами, но не фруктовыми соками.

Все продукты будут натуральными, если позволят средства.

Физическая активность и спортивные тренировки поощряются. Но без принудиловки.

Все домашние дела должны быть сделаны до просмотра телевизора или видеоигр.

Когда я впервые увидел этот список, он вызвал у меня смех. Миллисент посмотрела на меня, и я тут же прекратил хохотать.

К тому времени я уже различал, когда она только притворялась рассерженной, и когда ее гнев был настоящим.

Миллисент вводила свои правила постепенно, одно за другим. Нет, она не превратила дом в тюрьму, она сумела организовать нашу семью. Оба чада занимаются спортом. Деньги они получают от нас, только когда их заработают. Раз в неделю мы все садимся и смотрим кино. Пищу едим в основном натуральную и почти не употребляем продуктов с сахаром. Уроки дети делают еще до моего прихода с работы, и в этом тоже заслуга Миллисент. Той самой Миллисент, которая держала Линдси в заточении целый год и Бог ведает что с ней делала.

* * *

Заснуть у меня не получается. Я встаю и проверяю, спят ли дети. Рори распластался на своей кровати, одеяла валяются на полу. Когда ему исполнилось четырнадцать, он больше не захотел жить в комнате с динозаврами на стенах. Мы сделали в ней ремонт, сменили мебель. И теперь там одна стена темная, а три бежевые, повсюду наклеены постеры разных рок-групп, на деревянной мебели темные пятна, а окно закрывают светонепроницаемые занавески, когда Рори спит. Этакое детское видение взрослой комнаты: мой сын превращается из мальчика в подростка.

Комната Дженны пока еще остается оранжевой. Она обожала этот цвет почти с самого рождения, думаю, что из-за цвета волос Миллисент. У Дженны на стенах висят постеры с футболистами, музыкальными ансамблями и парой-тройкой актеров. Я их не знаю, но, когда они в телевизоре, Дженна с подружками заходятся в диком визге. Как только дочери стукнуло тринадцать, все ее куклы переместились в чулан. Дженна следит за модой, интересуется украшениями и макияжем (хотя ей пока запрещено краситься). Вместо кукол у нее в комнате теперь стоит несколько звериных чучел, и она, как и Рори, любит видеоигры.

Я обхожу дом, проверяю все двери и окна. И даже захожу в гараж, выискивая глазами следы грызунов, жучков или ущерба, причиненного водой. Затем выхожу из гаража в задний двор и проверяю боковые ворота. То же самое я делаю в переднем дворе, а потом опять обхожу дом, отпирая и запирая все двери.

Обычно это делала Миллисент, особенно после рождения Рори. Мы жили тогда в обветшалом съемном доме, и каждую ночь она обходила его, запирая все двери и окна. Потом присаживалась на несколько минут, после чего снова вставала и повторяла свой обход.

– Здесь нечего бояться, район не криминальный, – сказал я ей как-то. – Никто к нам не залезет.

– Я знаю, – пробормотала Миллисент и в очередной раз поднялась, чтобы осмотреть дом.

А я решил последовать за ней. Я пристроился у нее за спиной и копировал каждый ее шаг, любое ее движение. Сначала меня удостоили взглядом – тем самым, выразительным.

А, когда я не прекратил ее передразнивать, Миллисент залепила мне пощечину.

– Это не смешно, – сказала она.

Я был слишком потрясен, чтобы возразить. Раньше мне не доводилось ловить оплеухи от женщин, меня даже не шлепали, пусть и играючи. Но, поскольку я действительно насмешничал над женой, я поднял руки вверх и извинился.

– Ты извиняешься только потому, что получил затрещину, – сказала Миллисент. И, резко развернувшись, ушла в ванную и заперлась в ней.

Всю ночь я провел, думая, что она меня бросит. Заберет сына и уйдет, потому что я все разрушил. Крайность, конечно, но Миллисент не отличается терпимостью. Однажды, когда мы

еще только встречались, я пообещал ей позвонить в определенное время и не позвонил. Так она потом не разговаривала со мной больше недели, даже трубку не брала.

Тогда Миллисент все же вернулась ко мне, но я для себя уяснил: если я ее доведу, она от меня уйдет. И один раз она так и сделала.

Рори было полтора годика, Дженне – шесть месяцев. И мы с Миллисент проводили все дни, нянчась с детьми и крутясь на работе. А однажды я проснулся, так и не отдохнувший, и осознал: мне двадцать семь, и у меня жена, двое детей и ипотека.

Мне нужна была всего лишь передышка, временный отдых от такого бремени ответственности. Я встретился с приятелями и так напился, что им пришлось тащить меня до дома. А, когда я проснулся на следующий день, Миллисент дома не было. Она ушла.

Она не отвечала на мои звонки. Я не заставлял ее на работе. Ее родители уверяли меня, что дочери у них нет. У Миллисент было всего несколько близких друзей, но ни с одной из них она не созванивалась и не встречалась. Она исчезла! Вместе с моими детьми.

Через три или четыре дня я стал названивать ей каждый час. Я засыпал ее электронными письмами и эсэмэсками. Я превратился в свою самую сумасшедшую ипостась, попросту обезумел. Но не потому, что волновался за Миллисент. Я бы уверен, что с ней и детьми все в порядке, а потому, что подумал, будто лишился ее... лишился их всех навсегда.

Прошло восемь дней. А потом Миллисент вернулась.

Я заснул тогда поздно, свернувшись калачиком на неубранной кровати, заваленной коробками от пиццы, бумажными тарелками и стаканчиками и пакетами из-под еды. А проснулся от запаха оладий в чистой кровати.

Миллисент готовила на кухне завтрак. Рори сидел за столом, на своем высоком стульчике. Дженна дремала в своей детской кроватке. Миллисент повернулась ко мне и улыбнулась. И это было не видение, это все было в реальности!

– Ты вовремя, – сказала Миллисент. – Завтрак почти готов.

Я бросился к Рори, схватил его на руки, поднял высоко в воздух и держал так, пока он не захныкал. Затем расцеловал Дженну, в недоумении уставившуюся на меня своими темными глазками, и только потом присел за стол, боясь вымолвить слово. Я все еще опасался, что это сон, и не хотел просыпаться.

Миллисент поставила на стол полную горку оладий и, присаживаясь, наклонилась ко мне так близко, что ее рот отказался у моего уха.

– В следующий раз мы уже не вернемся, – прошептала она.

И на протяжении всей нашей супружеской жизни у меня не возникало желания усомниться в ее обещании. И уж тем более проверить его на деле. Хотя... я все-таки переспал с Петрой.

И еще с одной женщиной.

8

Когда я прихожу с работы домой, Миллисент и дети уже там. Рори, лежа на диване, играет в видеоигру. Миллисент стоит над ним, уперев руки в боки; лицо суровое. Позади нее Дженна передвигает телефон взад-вперед, пытаясь сделать селфи перед окном. На всех троих отбрасывает тусклый свет телевизионный экран, на секунду они застывают – сценка современной жизни!

Взгляд Миллисент переносится с Рори на меня, ее глаза сверкают самой темной зеленью.

– Ты знаешь, – говорит она, – что сегодня сотворил наш сын?

Бейсболка Рори загораживает его глаза и почти все лицо, но не скрывает полностью его самодовольно-глупую ухмылку.

– А что наш сын сегодня сотворил? – интересуюсь я.

– Скажи отцу, что ты сделал.

За Рори отвечает Дженна:

– Он жульничал на экзамене с телефоном.

– Ступай в свою комнату, – велит ей Миллисент.

Моя дочь уходит с кухни. Хихикая, она поднимается по лестнице и ударом руки открывает дверь в свою спальню.

– Рори, – спрашиваю я. – Что случилось?

Тишина.

– Отвечай отцу.

Мне не нравится, когда Миллисент указывает сыну, как ему со мной общаться, но я проглатываю.

Миллисент вырывает из руки Рори игровой контроллер. Сын вздыхает и, наконец-то, открывает рот.

– Я вроде бы не собираюсь стать ботаником, и, если мне понадобится узнать про фотосинтез, я почитаю о нем в Интернете, как я и делал сегодня, – Рори смотрит на меня, широко раскрыв глаза и молчаливо вопрошая: «Разве я не прав?»

Мне хочется согласиться, потому что он отчасти прав, но я – его отец.

– Его отстранили от занятий на три дня, – встревает Миллисент. – Нашему сыну еще повезло, что его не отчислили.

В случае отчисления Рори из частной школы его бы перевели в государственную школу. Я не напоминаю об этом Миллисент – она уже объявляет нашему сыну наказание:

– ...никогого мобильного, никаких видеоигр, никакого Интернета. И после уроков ты идешь из школы сразу домой. Не беспокойся, я проверю.

С этими словами Миллисент круто разворачивается и цокает на своих шпильках цвета человеческой плоти к выходу в гараж.

Услышав шум заработавшего двигателя, я подсаживаюсь к сыну. У него такие же рыжие, как и у Миллисент, волосы. Но зеленые глаза светлее, и сейчас широко распахнуты.

– Зачем?

Рори пожимает плечами:

– Так было проще.

Я понимаю. Иногда действительно проще двигаться по инерции вперед, чем все разом порушить и начать с нуля.

– Ты не должен обманывать, – говорю я.

– Но ты же обманываешь.

– О чем это ты?

– Я слышу, как ты потихоньку выходишь из дома.

Рори прав. Я, бывает, выскальзываю ночью на улицу, потому что не могу заснуть.

– Иногда я катаюсь на машине.

Рори фыркает:

– Я что, похож на слабоумного?

– Нет.

– Па! Я видел, как ты прокрадывался в наш дом в костюме. Кто надевает костюм, чтобы прокатиться ночью на тачке?

Я не надевал костюм с тех пор, как встретился с Петрой.

– Ты же знаешь, что я провожу много вечеров в клубе. Обмен информацией в сети – часть моей работы.

– Работа в сети, – произносит Рори без малейшей иронии.

– Я не обманываю твою мать, – заверяю его я. И это почти правда.

– Ты врешь.

Я начинаю говорить Рори, что это не так, но тут же понимаю, что это бесполезно. Я хочу убедить его, что никого не обманываю, и сознаю, что это тоже бесполезно. Мой сын слишком догадлив.

Я бы очень хотел ему все объяснить, да только не могу. И в итоге начинаю наезжать на сына:

– Ты забыл, что речь сейчас не обо мне.

Рори округляет глаза, но ничего не говорит.

– И я никогда не обманывал учителей в школе. Вот представь себе: в один прекрасный день разразится зомби-апокалипсис. Ты спасешься, но окажешься на острове, и тебе придется там создавать совершенно новую цивилизацию, выращивать растения. Как ты думаешь, знание процессов фотосинтеза пригодятся тебе тогда?

– Я ценю твои усилия, па. А уж про зомби-апокалипсис и все прочее ты вообще классно загнул, но все же я поберегу твоё время, – Рори вытаскивает что-то из своего кармана и кладет передо мной.

При виде сверкающего синего стекла у меня отвисает челюсть. Это одна из сережек Петры.

– У Дженны уши еще не проколоты, – замечает Рори. – А мама никогда не стала бы носить такую вульгарную дешевку.

Сын прав. Миллисент носит серьги с бриллиантами. Настоящими бриллиантами, а не стекляшками.

– Ну что? Похоже, тебе нечего сказать? – спрашивает Рори.

Два-два. Я действительно не знаю, что сказать.

– Не переживай. Дженна не знает о твоей цыпочке на стороне, – на лицо Рори возвращается самодовольная ухмылка. – Пока не знает...

Мне требуется секунда, чтобы понять: мой сын, вооружившись уликой, пытается меня шантажировать.

Я впечатлен умом Рори. И обескуражен, потому что не хочу, чтобы мои дети росли, считая отца грязным обманщиком. Это последнее, чего бы я желал для своих детей, особенно для дочери. И это то, чего все специалисты-психологи советуют настоятельно избегать, чтобы это не отразилось на ее взаимоотношениях с мужчинами впоследствии. (Я смотрю дневные телепередачи.)

Дженна не должна ничего знать, она не должна даже заподозрить того, что Рори считает правдой. Все, что угодно, только не это!

Я поворачиваюсь к сыну:

– Чего ты хочешь?

– Новую игру «Кровавый ад».

– Мама запретила тебе играть в такие игры.

– Я помню.

Если я не соглашусь, Рори скажет Дженне, что я изменяю их матери. Он обязательно выполнит свою угрозу.

А если я соглашусь, то мой сын в четырнадцать лет превратится в успешного шантажиста! Мне следовало это предвидеть, следовало разгадать его наклонности еще в тот день, когда Рори родился. Он дышал поначалу так тихо, что все подумали, будто он умер. А когда, наконец, закричал, то сделал это так громко, что у меня зазвенело в ушах.

А может, мне следовало об этом догадаться в тот день, когда на свет появилась его сестра? И Рори испустил не менее громкий крик – не потому, что обрадовался новорожденной, а потому, что хотел попенять нам на недостаток внимания к его персоне.

А затем был еще один показательный случай. Дженна и Рори ходили вместе выпрашивать сладости на Хэллоуин, и Рори убедил сестру, что все шоколадные батончики отравлены психом из нашего местного супермаркета. Псих был здоровенным детиной, нежным и ласковым как хомячок. Но детей он пугал, даже не пытаясь этого делать. Дженна поверила брату на слово и выбросила все «отравленные» сладости. Мы с Миллисент узнали об этом только после того, как Дженну с неделю промучили ночные кошмары, и мы нашли в комнате Рори кучу оберток от шоколадных батончиков.

И вот теперь, шантажируемый своим собственным сыном, я могу оглянуться назад и сказать: мне следовало предвидеть, что он на такое пойдет. Но ведь до этого момента у меня не было поводов рыться в прошлом.

– Ответь мне на один вопрос, – говорю я Рори.

– Ладно.

– Как давно тебе об этом известно? – я старательно избегаю слово «обман». Как будто это имеет значение.

– Несколько месяцев. Первый раз я пошел в гараж рано утром – взять свой футбольный мяч. Твоей машины там не было. После этого я начал обращать внимание на твои отлучки.

Я кивнул:

– Завтра я куплю тебе игру. Только постарайся, чтобы она не попала на глаза матери.

– Да уж постараюсь. А ты постарайся не попадаться ей на глаза, прокрадываясь назад от своей цыпочки.

– Я больше не буду отлучаться из дома.

Рори с насмешливой улыбкой берет сережку и убирает ее в свой карман. Он мне не верит. Но он достаточно умен, чтобы промолчать, когда он в выигрыше.

* * *

Мне следовало бы рассказать о нашем сыне Миллисент. Я подумываю об этом во время ужина, пока Дженна изо всех сил старается подшутить над Рори без последствий для себя. Я подумываю об этом после ужина, когда Миллисент отбирает у Рори телефон на ночь. И я думаю об этом даже тогда, когда мы с женой остаемся вдвоем в нашей спальне и занимаемся тем, чем привыкли заниматься по ночам. Мне следовало бы рассказать жене о том, на что способен наш сын. Но я этого не делаю.

Не делаю только потому, что мой рассказ породит у Миллисент много вопросов, а ответить я могу лишь на некоторые из них.

Прошло всего две недели с тех пор, как я переспал с Петрой. Я вспоминаю о ней только посреди ночи, когда пробуждаюсь от беспокойного сна и мучаюсь бессонницей.

И именно тогда я терзаюсь вопросами: где же я допустил промах? Чем себя выдал? Почему Петра усомнилась в моей глухоте? Может, яотреагировал на какой-нибудь звук?

Может быть, посмотрел Петре в глаза, а не на рот, когда она говорила? Или обращал слишком много внимания на ее крики в постели? Не знаю... А еще я не знаю, буду ли и дальше притворяться глухим. Но эти вопросы не дают мне заснуть по ночам до сих пор.

Как и шантаж Рори. Еще один промах. Рори не должен был видеть, как я ускользаю ночью из дома. Миллисент это не понравится.

И я ничего не говорю своей жене. Рори и Петра – два моих секрета, которые я ей не выдаю. Возможно, потому что у Миллисент тоже имеются свои тайны, и их гораздо больше, чем я раньше думал. Конечно, я сильно рискую и с Петрой, и с Рори, с каждым по-своему. И все-таки продолжаю держать свой язык за зубами.

9

Начиналось все по-житейски, не как что-то плохое. Я до сих пор в это верю.

Три года назад, в один субботний октябрьский вечер, я находился на переднем дворе вместе с Рори и Дженной, они были еще достаточно маленькими, чтобы не стесняться моего присутствия. Мы втроем развешивали украшения перед Хэллоуином, этот праздник дети очень любили (правда, чуть меньше, чем Рождество), и мы ежегодно декорировали дом паутиной, пауками, скелетами и ведьмами. Если бы мы могли позволить себе аниматронику, мы бы использовали и ее.

Миллисент приехала домой после показа дома клиентам. Одета в деловой костюм, она остановилась на передней дорожке и заулыбалась, восхищаясь нашей работой. Дети запищали, что они проголодались. Драматично закатив глаза, Миллисент пообещала приготовить бутерброды. Она произнесла это с улыбкой. Думаю, мы все улыбались тогда.

Но дела у нас обстояли не лучшим образом. Дом, который мы украшали с детьми, был для нас новым – мы жили в нем всего шесть месяцев. И сумма ипотечного кредита была огромной. Заоблачный кредит давил и на жену, и на меня. Миллисент приходилось продавать больше домов, чем позволяли силы, а я даже подумывал о второй работе.

Еще у нас были проблемы с матерью Миллисент. Ее отец умер двумя годами ранее, а у матери диагностировали болезнь Альцгеймера; у старушки начался продолжительный, медленный процесс угасания. Мы потратили много времени на поиски сиделки с проживанием в ее доме. Первые две не подошли – они не отвечали стандартам Миллисент, третья работает, по крайней мере, на сегодняшний день.

В нашей семье тоже были проблемы. И немало. Но в тот день мы все улыбались – пока Миллисент вдруг не вскрикнула.

Я бросился в дом, дети – следом за мной. Я влетел на кухню в тот миг, когда Миллисент швырнула свой телефон через комнату. Он врезался в стену, разбившись на кусочки и оставив на ней отметину. Миллисент закрыла лицо руками и заплакала. Дженна закричала, Рори подобрал с пола кусочки разбитого телефона.

Я обнял Миллисент; ее тело сотрясилось от всхлипываний.

В голове у меня промелькнули два самых ужасных предположения. Кто-то умер. Возможно, ее мать. Возможно, подруга. Или кто-то умирал. От неизлечимой болезни. Может быть, кто-то из детей. Может быть, моя жена.

Одно из двух. Ничто другое не оправдывало такую реакцию. Ни деньги, ни работа, ни даже потеря домашнего питомца, которого у нас никогда не было. Либо кто-то умер, либо кто-то должен был скоро умереть.

И для меня стало настоящим шоком узнать, что оба мои предположения неверны. Никто не умер, и никто не умирал. Совсем наоборот.

* * *

Через несколько месяцев после того, как мы начали встречаться, мы с Миллисент провели Ночь Вопросов (так мы ее окрестили). Мы купили пиццу и вино и принесли все это в ее крошечную квартирку. Гостиная в ней была настолько маленькой, что помещались там только кофейный столик и небольшой, двухместный диванчик. Поэтому мы сели на полу. Миллисент зажгла свечи, выложила ломтики пепперони на настоящие тарелки и налила вино в бокалы для шампанского – другой посуды у нее не было.

Мы провели всю ночь, задавая друг другу вопросы. Никаких рамок, никаких ограничений, как и планировали. Первые вопросы звучали довольно банально. Мы еще были слишком трезвы, чтобы откровенничать о сексе, и говорили о чем угодно, только не о нем – о кино, о музыке, о любимых блюдах и цветах. Я даже спросил у Миллисент, есть ли у нее на что-нибудь аллергия. Оказалось, есть. У нее аллергия на глазные капли.

– На глазные капли? – переспросил я.

Отпив еще глоток вина, Миллисент кивнула:

– На те, что помогают избавиться от покраснения глаз. У меня от них глаза опухают так, что я почти ничего не вижу.

– Как у Рокки.

– Точно, как у Рокки. Я выяснила это в шестнадцать лет, когда накурилась. Я попыталась скрыть это от родителей, но все закончилось больницей.

– Ага! – заметил я. – Значит, ты была плохой девочкой!

Миллисент пожала плечами.

– А у тебя? Есть на что-нибудь аллергия?

– Только на женщин, которых зовут не Миллисент.

Я подмигнул ей, чтобы показать, что шучу. Она ударила меня по ноге и округлила свои глаза. В конце концов, мы захмелели настолько, что перешли к пикантным вопросам – о сексе и прежних отношениях.

Вскоре я устал слушать про ее бывших бойфрендов и решил расспросить Миллисент о ее семье. Я знал, откуда она родом и что ее родители все еще жили в браке, но кроме этого мне ничего о ней не было известно. Миллисент никогда не упоминала о своих братьях или сестрах.

– У тебя есть братья или сестры?

К тому моменту мы уже прилично напились. Уж я так точно. Перед нами на маленьком блюдечке стояла свечка, и в ожидании ответа я играл с воском, капавшим с нее. Я зажимал его между пальцами, скручивал в шарик, а потом снова разглаживал. Ответа я дождался не сразу, сначала Миллисент просто посмотрела на меня.

– Так есть или нет? – переспросил я.

Она отпила глоток вина.

– Есть... Сестра... Холли.

– Она старше или младше тебя?

– Она была старшей. Ее уже нет.

Я бросил комочек воска, наклонился и положил свои руки на руки Миллисент, сжимавшие бокал для шампанского.

– Извини, – сказал я.

– Все нормально.

Я подождал, не скажет ли она еще что-нибудь, но Миллисент молчала. И тогда я задал новый вопрос:

– Что с ней случилось?

Миллисент откинулась назад, прислонилась спиной к стене. Из-за алкоголя и света свечей все вокруг меня колыхалось, включая ее рыжие волосы. На какую-то долю секунды мне даже почудилось, что с них падают тлеющие угольки.

Миллисент отвернулась и заговорила:

– Ей было пятнадцать. Она была на два года старше меня. Больше всего на свете Холли мечтала водить машину и с нетерпением ждала, когда сможет получить права. Однажды родители куда-то уехали на папиной машине, а мамин автомобиль остался. Холли предложила на нем прокатиться. По кварталу, не дальше, она обещала ехать медленно, – Миллисент повернулась ко мне и пожала плечами: – Она не сдержала своего обещания. И погибла.

– О Господи! Мне так жаль!

– Все в порядке. Холли была моей сестрой... Но не очень хорошим человеком.

Мне захотелось расспросить Миллисент о Холли побольше. Я мог бы это сделать, ведь у нас была Ночь Вопросов. Но я не стал. Вместо этого, я спросил Миллисент, когда она впервые напилась.

Разговоров о Холли больше не возникало. До тех пор, пока я не поехал на ужин к родителям Миллисент. Я виделся с ними ранее только раз – в ресторане, когда они приезжали к дочери. А в тот раз мы с Миллисент поехали к ним домой и провели в дороге три часа. Родители жены жили в большом доме на севере, у границы со штатом Джорджия, в Богом забытом местечке. Они не были богатыми, но и работать им было ни к чему. Отец Миллисент, Стэн, изобрел и запатентовал рыболовную приманку, а потом продал ее компании, специализирующейся на спортивных товарах. На тот момент он проводил все свое время, наблюдая за птицами, мастера деревянные скворечники и ловя рыбу. Мать Миллисент, Эбби, работала в свое время учительницей и, когда не ухаживала за своим садом, вела образовательный блог. Они немного напоминали хиппи, разве что выращивали кориандр вместо сорняков.

Внешне Миллисент походила на отца буквально всем – даже множеством оттенков своих глаз, но характером пошла в мать. Эбби была даже более организованной, чем Миллисент.

Я увидел ту фотографию по окончании ужина, когда решил помочь родителям Миллисент убрать со стола и понес свои тарелки на кухню. Фотография стояла на подоконнике за мойкой – крошечный образ, полускрытый домашним цветком. Мой взгляд привлекли рыжие волосы. Взяв карточку в руки и рассмотрев ее, я понял, что на ней запечатлены Миллисент и ее сестра, Холли. Вплоть до этого момента мне не бросался в глаза недостаток фотографий в доме. Я видел образы родителей Миллисент, самой Миллисент. Но это фото было единственным с Холли.

– Не надо, чтоб она ее увидела.

Я вскинул глаза. Передо мной стояла мать Миллисент. Выражение ее теплых карих глаз было почти умоляющим.

– Вы в курсе, что случилось с Холли?

– Да. Миллисент мне рассказала.

– Тогда вы понимаете, как это может ее расстроить, – мать Миллисент отобрала у меня фото и поставила его обратно на подоконник, за цветок. – Мы убираем фотографии с Холли, когда приезжает Миллисент. Она не любит напоминаний о сестре.

– Она очень печалится из-за аварии. Потерять сестру таким образом должно быть очень тяжело, – сказал я.

Мать Миллисент бросила на меня странный взгляд.

Я не понимал его значения до того дня, когда внезапно зазвонил телефон и Миллисент закричала.

10

Коробка с видеоигрой «Кровавый ад VII» оформлена вызывающе; через всю крышку тянется большая желтая предупредительная надпись. А на обороте красным предупреждение о самой игре. Я не уверен, что такой игре следует быть в моем доме.

И, тем не менее, я ее покупаю.

Рори, чье трехдневное отлучение от школы еще не истекло, находится дома. Миллисент забрала его компьютер, поменяла пароль для доступа в Интернет и постаралась отключить кабельное телевидение, но сдалась на середине попытки. Рори сидит на диване в гостиной и смотрит серфинг.

Я бросаю игру на диван рядом с ним.

– Спасибо, – бормочет он. – Но твоё поведение не мешало бы скорректировать.

– Прекрати!

Рори ухмыляется, хватая коробку и отклеивает желтый предупредительный стикер с ее крышки. На картинке под ним изображены десятки тел, сваленных в кучу, а поверх них стоит уродливое рогатое существо, по-видимому, дьявол.

Рори косится на меня; его зеленые глаза загораются.

– А где игровая приставка? – спрашивает у меня сын.

После секундного колебания я указываю на стеклянный буфет в столовой.

– За серебряным подносом. Только не разбей ничего.

– Не разобью.

– И верни потом ее обратно.

– Ладно.

– Ты больше не будешь обманывать? – уточняю я.

Рори закатывает глаза:

– Каков отец, таков и сын.

Наш разговор прерывает телевизор. В дневное ток-шоу врывается реклама новостей.

На экране появляется сначала логотип местной новостной передачи, а за ним – тот самый молодой и старательный репортер, который освещает историю Линдси. Его зовут Джош, и я наблюдаю за ним каждый день с тех пор, как обнаружили тело Линдси. Сегодня он выглядит немного уставшим, но его глаза блестят безумным возбуждением.

Полиция, наконец, поняла, как убили Линдси.

– *Сегодня вечером с нами в эфире доктор Йоханнес Роллинс, бывший медицинский эксперт округа Де-Калб, штат Джорджия,* – говорит Джош. – *Спасибо вам, доктор Роллинс за то, что согласились к нам присоединиться.*

– *Пожалуйста.*

Доктор Роллинс выглядит старше всех моих знакомых, вместе взятых, и напоминает мне Санта-Клауса. Только одежда не та: на докторе клетчатый пиджак и однотонный синий галстук.

– *Доктор Роллинс, вы уже видели сегодняшнее заявление полиции. Как бы вы могли его прокомментировать, исходя из своего богатого опыта?*

– *Она была задушена.*

– *Да-да. В нем именно так и говорится: асфиксия вследствие механического удушения.*

Доктор Роллинс кивает.

– *Я так и сказал. Она была задушена.*

– *Вы можете сообщить нам что-либо еще?*

– *Она потеряла сознание через несколько секунд и умерла через несколько минут.*

Джош ждет, не добавит ли доктор Роллинс чего-нибудь еще к этим словам. Но тот молчит.

– *Что ж. Благодарим вас, доктор Роллинс. Мы ценим ваше время и готовность пожертвовать им ради беседы с нами.*

Камера наезжает на Джоша, и в следующем кадре он – уже крупным планом – делает вдох. Его официальный репортаж всегда сопровождается неофициальным комментарием. Джош амбициозен и, похоже, повсюду имеет источники.

– *Это не все, что мы готовы вам сообщить. «Новости 9» всегда располагают сведениями, которые вы не услышите ни в одной другой новостной передаче и не найдете в заявлении полиции. По информации моих источников, следы на шее Линдси указывают на то, что ее, скорее всего, задушили цепью. Убийца стоял сзади и сжимал ей горло Линдси, пока она не умерла.*

– Класно, – говорит Рори.

Я чувствую себя слишком плохо, чтобы одернуть сына. Потому что я представляю себе его мать, свою жену, убийцей, которого описывает Джош.

Картина убийства выстраивается перед моими глазами очень четко, отчасти потому что я знаю или знал обеих женщин. Я явственно вижу выражение ужаса на лице Линдси, и так же ясно я могу представить себе лицо Миллисент, хотя его выражение постоянно меняется: то она в ужасе, то спокойна, то наслаждается оргазмом, то улыбается.

Рори устанавливает свою видеоигру.

– Ты в порядке? – спрашивает он.

– В полном.

Сын больше ничего не говорит. «Кровавый ад» загружается.

Я ухожу из дома – мне нужно на урок, я отменил слишком много занятий в последнее время.

В клубе меня уже поджидает женщина средних лет: у нее прямые темные волосы, сильный загар и выраженный акцент. Кекона с Гавайев: когда она раздражена, то ругается на пиджине¹.

Кекона – вдова на пенсии, а это значит, что у нее куча свободного времени, чтобы обращать внимание на то, что делают другие люди, и она постоянно судачит обо всех. Благодаря Кеконе я знаю, кто с кем спит, какие пары разводятся, кто от кого забеременел и чьи дети без конца влипают в разные истории. Подчас меня воротит от ее сплетен. Она выбалтывает мне больше, чем я желаю знать. Иногда мне хочется просто учить клиентку теннису.

Сегодня я узнаю от Кеконы, что одна из преподавательниц Рори состоит в отношениях с отцом ученика. Это, конечно, плохо. Но, по крайней мере, она не вступила в связь с учеником. Кекона также сообщает мне о разводе МакАллистеров, который затянулся на год с лишком и еще о гуляющих по округе слухах об их возможном примирении. Кекона быстро выносит свой вердикт: «скорее всего, так оно и есть, но никогда не знаешь наверняка».

Через полчаса нашего часового урока она упоминает Линдси.

Это необычно, ведь Линдси не являлась членом нашего клуба и нашли ее не в нашей маленькой общине, а в двадцати милях отсюда – вне зоны пересудов Кеконы, которая большую часть своего времени проводит в Оуксе, за воротами одного из самых больших домов. Кекона обитает в квартале от того места, где я вырос, и я хорошо знаю ее дом. Там жила моя первая подружка.

– В этом деле о девушке в мотеле много странностей, – заявляет Кекона.

– А что, все другие убийства в порядке вещей?

– Ну, это как посмотреть. Убийство – почти национальное развлечение. Но нормальных девушек обычно не находят мертвыми в заброшенных мотелях.

¹ Пиджин – язык, на котором говорят представители разных народов, живущих на одной территории. Обычно – смесь двух или более языков.

Кекона высказывает вслух то, о чем я думал все это время. Мотель сбивает меня с толку. Я не понимаю, почему Миллисент не похоронила Линдси или не отвезла ее тело за сотни миль отсюда, в лес или куда-нибудь еще. А оставила неподалеку от того места, где мы живем – в здании, где ее рано или поздно должны были найти. Это лишено здравого смысла.

Если только... если только Миллисент не хотела, чтобы ее поймали.

– Нормальные девушки? – переспрашиваю я Кекону. – А что значит – нормальная девушка?

– Ну, такая, которая не балуется наркотиками и не занимается проституцией, которая не ходит по лезвию бритвы. Эта девушка была нормальной: она имела работу, квартиру и, скорее всего, исправно платила налоги. У нее все было нормально.

– Вы, наверное, смотрите много полицейских сериалов?

– Конечно, – пожимает плечами Кекона. – А кто их не смотрит?

Миллисент не смотрит, но она читает книги. Детективы.

Я посылаю жене эсэмэску:

«У нас сегодня ночное свидание».

У нас с Миллисент не было такого свидания уже более десяти лет. Фраза кодовая – однажды мы с женой сели и разработали свой тайный код. «Ночное свидание» означает, что нам нужно переговорить о своих делах на стороне. По-настоящему поговорить, а не шептаться в темноте.

* * *

Между эсэмэской и ночным свиданием я встречаюсь с детьми. Рори находился весь день дома, и в фантазиях Миллисент ее сын должен был читать какую-нибудь книгу – ради самосовершенствования. А вместо этого он играл в новую видеоигру. Благодаря мне...

Но, зайдя в дом, я никаких признаков этого не замечаю. Рори сидит за столом в полнейшей тишине.

Он вскидывает на меня глаза и подмигивает. И мне впервые за все время не нравится человек, в которого превращается мой сын, а ведь в этом моя вина.

Я поднимаюсь вверх – принять перед ужином душ. А, когда снова спускаюсь вниз, застаю там и Дженну. Она подкалывает Рори.

– О тебе сегодня в школе говорили все, – произнося эти слова, Дженна набивает сообщение в своем телефоне. Она всегда так делает. – Ребята сказали, что ты настолько тупой, что не можешь без подсказки выговорить даже свое имя.

– Ха-ха, – хмыкает Рори.

– Они сказали, что ты слишком тупой, чтобы быть старше меня.

Рори закатывает глаза.

Моя жена хлопчет на кухне. Она успела переодеться после работы, и сейчас на ней спортивные штаны для занятий йогой, длинный свитшот и полосатые носочки. Волосы собраны в пучок на макушке и зафиксированы огромной заколкой-зажимом. Миллисент улыбается и подает мне чашу с салатом, чтобы я ее поставил на стол.

Пока мы накрываем ужин, дети продолжают ссориться.

– Ты очень тупой, – подзуживает брата Дженна. – Ребята говорят, что все мозги от наших родителей достались мне.

– Зато ты не унаследовала от них красоты, – парирует Рори.

– Мам!

– Хватит! – прекращает их перепалку Миллисент и усаживается за стол.

Рори и Дженна замолкают и кладут себе на колени салфетки.

До чего же все это обыденно...

Пока мы едим, Миллисент просит меня и Дженну помыть после ужина посуду: она собирается проверить с Рори его домашнее задание, ей надо убедиться, что он его сделал.

Я замечаю в глазах сына панику.

Вечер Рори испорчен. Я слышу это из кухни, где мы с Дженной наводим порядок. Я мою посуду, а она ее вытирает за болтовней.

Дженна рассказывает мне о футболе, вдаваясь в такие подробности, которые мне непонятны. И не в первый раз я задаюсь вопросом: может быть, мне следовало проявить к этому командному виду спорта больше интереса и стать помощником арбитра или кем-нибудь еще в этом роде? А потом я вспоминаю, что у меня попросту нет на это времени.

Дженна продолжает трещать, но мои мысли занимает уже Миллисент. Наше ночное свидание.

И вот посуда помыта. Рори исчерпывает все оправдания. Дело близится к ночи. Сын уходит в свою комнату делать домашнее задание, которое он не сделал днем. Дочь болтает по телефону и пишет эсэмэски – как всегда, одновременно. Когда подходит время укладываться спать, Миллисент отбирает у обоих гаджеты. Она делает это каждый вечер перед сном, чтобы дети не общались с незнакомыми людьми в Интернете после того, как мы ляжем с ней спать.

По-моему, в сети всегда общаются с незнакомыми людьми, но я не спорю насчет этого с женой.

Когда дети уже лежат в своих кроватях, мы с Миллисент уходим в гараж – на ночное свидание.

11

Мы сидим в машине Миллисент. Ее автомобиль лучше моего – роскошный кроссовер класса люкс. Ведь жене часто приходится возить клиентов по округе, показывая им дома. Кожа-ные сиденья в салоне невероятно удобные. Сам салон просторный и уютный. А дверцы машины закрыты, так что дети не могут нас подслушать. Моя рука лежит между нами, на центральной консоли. И Миллисент кладет на нее свои руки.

– Ты нервничаешь, – замечает она.

– А ты нет?

– Полицейские не найдут ничего, что бы их могло вывести на нас.

– Как ты можешь быть в этом уверена? Ты что, рассчитывала, что они ее найдут?

Миллисент вздрагивает:

– Пожалуй, мне было все равно.

Похоже, я знаю гораздо меньше того, чего я не знаю. У меня очень много вопросов, но я не хочу узнавать на них ответы.

– Остальных так и не нашли, – говорю я. – Почему Линдси?

– Линдси, – медленно повторяет это имя Миллисент. И это побуждает меня вернуться мысленно в прошлое – когда мы нашли с ней Линдси. Мы сделали это вместе. Мы искали, выбирали, я был частью любого решения жены.

После второй пробежки с Линдси я сказал Миллисент, что она нам подходит. Именно тогда мы с женой изобрели свой код, наши особые «ночные свидания». Только встретились мы в первый раз не в гараже. Оставив детей под присмотром соседки, мы с Миллисент пошли за «холодным йогуртом». Она взяла ванильный, а я выбрал сливочный с пеканом. Потом мы прогулялись по торговому центру, в котором уже ничего не работало, кроме кинотеатра. И, остановившись перед салоном дорогой кухонной мебели, стали разглядывать его витрину. Это был один из любимых магазинов Миллисент.

– Итак, – произнесла жена. – Скажи мне свое мнение.

Я огляделся по сторонам. До ближайших к нам людей было не менее сотни ярдов – они стояли в очереди за билетами в кино, и все-таки я понизил свой голос:

– Думаю, она подходит идеально.

Миллисент приподняла брови: удивленно и счастливо.

– В самом деле?

– Если мы собираемся это сделать, тогда – да. Она – та самая.

Линдси действительно была той самой. Но не единственной, а уже третьей по счету. И особенной, потому что была незнакомкой, которую мы нашли в Интернете. Мы выбрали ее из миллиона других вариантов. Первых двух мы не выбрали, они сами к нам пришли.

Миллисент доела ванильный йогурт и облизала ложку:

– Думаешь, стоит? Нам следует это сделать?

Что-то в ее взгляде заставило меня отвернуться. Иногда Миллисент действует на меня как красивая кобра: в груди что-то перехватывает, и я не могу дышать. Именно так я почувствовал себя и в тот раз – когда мы стояли в торговом центре и решали судьбу Линдси. Я отвел глаза от жены и уставился в витрину закрытого салона. Новые, сверкающие предметы кухонного оборудования тоже уставились на меня, дразня и раздражая своей недоступностью. Мы с Миллисент не могли себе позволить всего, что хотели. Не то что бы все другие могли, но меня это угнетало.

– Да, – сказал я жене. – Нам точно следует это сделать.

Миллисент наклонилась и подарила мне холодный ванильный поцелуй.

Но мы никогда не договаривались держать Линдси в плену.

И вот теперь мы сидим в гараже. Еще одно «ночное свидание». Но уже без йогурта. Только маленький пакетик кренделей, который лежал у меня бардачке. Я предлагаю их Миллисент, но жена воротит нос.

Я возвращаюсь к теме нашего «ночного свидания»:

– По-моему, ты рассчитывала на то, что Линдси найдут...

– Да, рассчитывала.

– Но почему? Почему ты захотела, чтобы ее нашли?

Миллисент выглядывает из машины на горы пластиковых туб со старыми игрушками и рождественскими украшениями, а, когда она снова поворачивается ко мне, ее голова склоняется набок, а губы изгибаются в полуулыбке:

– Потому что у нас годовщина.

– Наша годовщина была пять месяцев назад.

– Не эта, другая.

Я задумываюсь, не желая это показывать. Потому что Миллисент уверена, что я знаю, о какой годовщине речь. По ее мнению, я должен помнить такие вещи.

– Ну конечно. Год назад мы выбрали Линдси. Мы все решили.

Миллисент сияет:

– Да! Год до того дня, как ее нашли.

Я смотрю на жену. И все равно не улавливаю суть.

– Почему ты захотела...

– Ты слышал об Оуэне Рили? – спрашивает Миллисент.

– О ком?

– Об Оуэне Рили. Ты знаешь, кто это такой?

Поначалу мне это имя ничего не говорит. А потом я вспоминаю.

– Ты имеешь в виду Оуэна Оливера? Серийного убийцу?

– Значит, ты его так называешь?

– Оуэн Оливер Рили. Мы привыкли называть его Оуэном Оливером.

– Так, значит, ты знаешь, что он сделал?

– Конечно, знаю. Жить здесь и не знать этого невозможно.

Миллисент мне улыбается. И, как это нередко случается, я оказываюсь в замешательстве.

– Это не только наша годовщина... Но и Оуэна, – говорит жена.

Я напрягаю память, прокручивая в голове события того времени, когда меня еще нельзя было назвать взрослым. Оуэн Оливер появился летом, по окончании мной средней школы. Никто не придавал значения исчезновению одной женщины, и никто не придавал значения, когда пропала вторая женщина. На это обратили внимание, только когда одну из женщин нашли мертвой.

Помню, я сидел в баре с фальшивым удостоверением личности, в окружении друзей-сверстников. Мы попивали дешевое пиво и еще более дешевый ликер и смотрели, как полицейские извлекают первое тело. Такого в Вудвью никогда не случалось – убийство красивой женщины по имени Калли, работавшей продавщицей в магазине одежды, взбудоражило всех. Калли была найдена на заброшенной заправке, в стороне от перекрестка. А обнаружил ее тело водитель грузовика.

Поначалу это было всего лишь ужасное убийство женщины. Я провел то лето у телевизора, следя за новостями и за тем, как полиция с общиной пытались разгадать мотив отвратительного преступления.

«Убил кто-то залетный» – такое предположение устроило всех. Никому не хотелось верить, что убийца из местных. Даже несмотря на то, что этот «залетный» похитил Калли и удерживал ее в своем плену живой на протяжении нескольких месяцев, прежде чем убить. Все верили в эту версию. Даже я.

А когда произошло второе убийство, мы все почувствовали себя преданными. Преступником оказался один из нас! Никто не знал, что это был Оуэн Оливер Рили. До поры до времени. Мы просто прозвали его «Убийцей из Вудвью».

После того, как его жертвами стали девять женщин, Оуэна Оливера Рили поймали. Это был мужчина тридцати с лишним лет, со светлыми, похожими на солому волосами, голубыми глазами и уже отставшим брюшком. Он ездил на серебристом седане, был завсегдатаем спортивного бара и работал на добровольных началах в своей церкви. Люди знали его, общались с ним, продавали ему товары и услуги и махали ему приветственно рукой, когда он проходил мимо. Я смотрел на его портрет в теленовостях и не верил, что он мог быть убийцей. Он выглядел совершенно нормальным человеком. И Оуэн таким был, если не считать того, что он отправил на тот свет девятерых женщин.

Сначала ему предъявили обвинение только в одном убийстве. Для обвинения по остальным восьми эпизодам не хватало улик. Под залог его не выпустили. Оуэн Оливер провел в тюрьме три недели, а потом его освободили из-за формальности. Оказалось, что ордер на взятие у него материала для ДНК-теста не был подписан на тот момент, когда полицейские взяли у Оуэна мазок за щекой. И именно этой лазейкой в законе сумел воспользоваться назначенный судом адвокат.

Кроме результатов ДНК-теста у полицейских на убийцу ничего больше не было. Они все еще пытались раздобыть улики, когда Оуэн Оливер вышел из тюрьмы. Он выглядел настолько нормальным, что легко вернулся в общество и куда-то делся.

О том, что Оуэн Оливер вышел на свободу, я узнал, находясь за границей. Мне рассказали об этом мои родители незадолго до своей гибели. Когда их не стало, я вернулся домой, но остаться в Вудвью не планировал, пока не встретил Миллисент. И ее согласие на первое свидание со мной я объяснил тем, что она была в наших краях «новенькой» и никого больше не знала.

Иногда я и сейчас так думаю.

К тому времени Оуэн Оливер уже бесследно исчез, как будто канул в Лету. Но каждый год, в годовщину его освобождения из-под стражи, его лицо появлялось во всех новостных репортажах. И с годами Оуэн превратился в нашего местечкового монстра, пугало, серийного убийцу. А, в конце концов, и вовсе стал легендой – слишком страшной для того, чтобы в нее хотелось верить.

– Прошло семнадцать лет после его последнего убийства, – замечаю я.

– На самом деле восемнадцать. Восемнадцать лет назад этого же месяца пропала его последняя жертва.

Я трясую головой, пытаюсь свести все услышанное воедино, понять, как связана с Оуэном Линдси. И, как всегда, за меня это делает Миллисент.

– Помнишь, когда впервые исчезла Линдси? Когда люди искали ее? – говорит она.

– Конечно.

– А как ты думаешь, что произойдет, когда исчезнет еще кто-нибудь? Например, какая-нибудь женщина из нашего списка?

Слово за слово, концы начинают сходиться. Если пропадет еще одна женщина, полиция решит, что имеет дело с серийным убийцей. Миллисент воскресила Оуэна, чтобы переложить на него вину за наши деяния.

Она печется о нашем будущем.

– Ты поэтому держала Линдси живой так долго? – уточняю я. – Ты копировала Оуэна?

– Да, – кивает Миллисент.

– И он душил своих жертв, так?

– Да.

Я выдыхаю. И физически, и психологически.

– Это все было подстроено.

– Конечно. Когда полицейские начнут поиски, а они их начнут, они станут искать Оуэна.

– Но почему ты ничего не говорила мне? Целый год?

– Я хотела сделать тебе сюрприз, – говорит Миллисент. – К нашей годовщине.

Я смотрю на нее. *Моя любимая жена!*

– Это безумно, – бормочу я.

Миллисент приподнимает бровь. Но, прежде чем она заговаривает, я кладу свой палец ей на губы.

– И великолепно, – восклицаю я.

Миллисент наклоняется и целует меня в кончик носа. Ее дыхание пахнет десертом, который мы ели на ужин. В этот раз – не ванилью, а шоколадным мороженым и вишней.

Миллисент подталкивает меня к пассажирскому сиденью. Когда она снимает свой свитшот, зажим на ее волосах ослабляется, и они падают ей на плечи. Миллисент устремляет на меня свои глаза. Они темны, как трясина.

– Ты не думал о том, что нам следует остановиться? – спрашивает она.

Нет. Теперь мы уже не можем остановиться.

И я даже этого не хочу.

12

А началось все с Холли. Потому что нам пришлось это сделать.

В тот бодрящий осенний день, когда зазвонил телефон, наш мир взял и перевернулся. Телефонный звонок касался Холли. Ее собирались выпустить из психиатрической лечебницы. Я не ослышался. Хотя и подумал так поначалу, когда мне Миллисент впервые призналась, что ее сестра не погибла в аварии в пятнадцать лет, а была помещена в психиатрическую лечебницу.

Жена сказала мне это в тот же субботний вечер, после того как дети утихомирились, поужинали и легли спать. Мы с ней сидели в гостиной, на новом диване, кредит на покупку которого все еще продолжали выплачивать. И Миллисент поведала мне реальную историю о Холли. Начала она с эпизода о порезе бумагой. Я уже слышал о нем – о том, как они с сестрой составляли коллаж из любимых вещей.

– Она сделала это специально, – сказала Миллисент. – Она схватила мою руку и порезала ее бумагой. Вот здесь, – жена показала на ямку между большим и указательным пальцами. – А наших родителей она убедила в том, что это получалось ненамеренно.

Спустя месяц шестилетняя Миллисент почти забыла о том случае. Пока то же самое не повторилось опять. Они с Холли находились в комнате сестры, играя в игру, которую придумали сами. Миллисент с сестрой создали свой собственный маленький мирок с куклами, чучелами животных и пластиковыми макетами домиков и назвали эту игру «Фиолетовая яма» – по цвету стен в комнате Холли. Они были лавандовые, а у Миллисент – желтые.

Пока сестры сидели в своей «яме», Холли снова порезала Миллисент. На этот раз – острым кусочком пластика, который она отломала от одной игрушки.

Порез пришелся по ноге Миллисент, рядом со щиколоткой. Миллисент закричала, кровь тонкой струйкой потекла на ковер. Холли смотрела на нее неотрывно до тех пор, пока в комнату не вбежала их мать. И тут она начала плакать вместе с Миллисент.

Этот случай тоже был истолкован превратно – как еще одна случайность.

На протяжении последующих двух лет Миллисент постоянно становилась жертвой разных «случайностей». Ее отец думал, что она неуклюжая. Мать призывала быть осторожней. А Холли... Холли просто смеялась над ней.

Чем больше мне рассказывала о своей сестре Миллисент, тем сильнее я ужасался. Но кое-что, что я наблюдал за Миллисент, теперь обретало смысл.

Укус на ее руке, который якобы нанесла ей собака. Две маленькие обесцвеченные отметины, которые так и не прошли.

Сломанный палец, зажатый дверью. Он до сих пор плохо сгибался.

Крошечная щербинка на ее переднем нижнем зубе, оставшаяся после того, как Миллисент якобы споткнулась и ударилась о дверной косяк.

Длинный, глубокий порез на ее икре – якобы от осколка стекла на улице. Шрам от него виден до сих пор – рыжевато-коричневая полоска длиной почти шесть дюймов.

Перечень увечий растянулся на многие часы. И, чем больше выросли сестры, тем хуже становилось.

Когда Миллисент было десять, Холли на своем велосипеде врезалась в нее и сбила с ног. А потом Миллисент упала с дерева на заднем дворе.

Родители продолжали верить, что все это случайности. Или же видели то, что хотели видеть. Никому из родителей не хочется признать, что его ребенок – чудовище.

Часть меня могла это понять. Меня бы ничто не заставило поверить, будто Рори или Дженна могли поступать так же, как Холли. Это просто невероятно! Такого не может быть! И я был уверен, что родители Миллисент так же думали о своей старшей дочери.

Но от того, что я поставил себя на их место, гнев мой не поубавился. Пока я сидел и слушал, что пережила, взрослая, Миллисент, во мне разбушевалась ярость.

Увечья – точнее, пытки – продолжались и в подростковом возрасте. К тому времени Миллисент уже не старалась быть с сестрой доброй и ласковой. Уже не надеясь на то, что это ее остановит. Теперь Миллисент решила давать ей сдачи.

Но первый же раз, когда она попробовала отомстить Холли, стал единственным. Это случилось уже в средней школе. Когда уроки закончились, сестры вышли из школы вместе с остальными детьми и направились к шеренге родителей, поджидавших своих чад. Они шли рядышком, и Миллисент подставила сестре подножку.

Холли распласталась на земле.

Все произошло за секунду, но на глазах у доброй половины школы. Дети покатались со смеху, учителя бросились к Холли на помощь, а Миллисент довольно улыбнулась про себя.

– Это звучит гадко, – сказала мне жена, – но я действительно думала, что проучила сестру, и она перестанет мне пакостить.

Но Миллисент ошиблась.

Через несколько часов она вдруг проснулась посреди ночи. Ее запястья были стянуты и привязаны к изголовью кровати. А Холли заклеивала Миллисент рот.

Она не сказала сестре ни слова. А просто села в углу и смотрела на нее до восхода солнца. И только за несколько минут до подъема родителей Холли развязала Миллисент и сорвала пластырь с ее рта.

– Не пытайся больше мне навредить, – заявила она. – В следующий раз я тебя просто убью.

И Миллисент больше не пыталась. Она продолжала сносить надругательства Холли, хоть и пыталась найти способы доказать, что она вовсе не была неуклюжей и не наносила себе увечья случайно, но Холли была слишком умна, чтобы засветиться на камеру или быть пойманной «на месте преступления».

И Миллисент до сих пор убеждена: так бы все и продолжалось, если бы не та авария.

Авария, о которой она мне рассказывала прежде, действительно произошла. Холли было пятнадцать, Миллисент – тринадцать. И Холли решила взять автомобиль матери – прокатиться. Она велела Миллисент поехать с ней, а затем намеренно врезалась в забор – пассажирской стороной.

И все бы снова сошло за случайность, если бы не видео.

Аварию зафиксировали две разные камеры слежения. Первая показала, как машина ехала прямо по улице, а затем вдруг резко крутанула вправо и протаранила забор. На второй видеозаписи оказалось водительское сиденье. За рулем была Холли, и она явно умышленно вывернула руль.

Полиция допросила ее и вынесла вердикт: авария была неслучайной.

После многочисленных бесед с сестрами и их родителями полицейские пришли к выводу, что с Холли было что-то не так. Она пыталась убить свою младшую сестру!

Чтобы их дочери не предъявили обвинения в покушении на убийство, родители согласились поместить Холли на длительный срок в психиатрическую лечебницу под наблюдение врачей.

Через двадцать три года Холли оттуда выпустили.

И она стала у нас первой.

* * *

После нашего «ночного свидания» с Миллисент я изучаю дело Оуэна Оливера Рили. Раз наш план – воскресить местное пугало, значит, мне нужно освежить в памяти факты. И,

прежде всего – уточнить, какие типы женщин он выбирал себе в жертвы. Я не многое из того помню. Только то, что он запугал до чертиков всю женскую половину округа, чем облегчил и одновременно затруднил мне знакомства с женщинами. Они либо смотрели на меня как на возможного «Убийцу из Вудвью», либо оценивали мои шансы от него отбиться.

Те девушки были примерно моего возраста, между восемнадцатью и двадцатью. Но, судя по всему, Оуэн Оливер даже не взглянул бы на них во второй раз. Ему нравились женщины чуток постарше – от двадцати пяти до тридцати пяти лет.

Блондинки или брюнетки – не имело значения. Оуэн Оливер не отдавал предпочтения никакому цвету волос.

Он выбирал своих жертв по другим «критериям». Все они были низкого роста, не выше 5,3 фунта: так их легче было перетаскивать. И гораздо легче для Миллисент.

Все они были одинокими.

И многие работали по ночам. Одна даже была проституткой.

Последним «критерием» Оэуна было то, что впоследствии помогло его изобличить. В свое время каждая из его жертв была пациенткой Мемориальной больницы Святой Марии. Одной удаляли в этой больнице железы, другая попала туда с пневмонией и провела два дня под капельницами. Оуэн работал в отделе выписки счетов. Ему известно было все об их болезнях и процедурах, а также их возраст, семейное положение и место жительства.

Лечение в клинике Святой Марии было единственным, что связывало между собой всех его жертв. Долгое время полиция упускала это из виду, потому что в эту больницу обращаются все. Это единственная большая клиника в нашей округе, до другой ближайшей больницы – час езды.

Я опускаю подробности того, что Оуэн Оливер вытворял со своими жертвами, пока держал их в плену. Слишком много ненужной мне информации, слишком много мысленных образов, которые мне претят.

Единственное, что привлекает мое внимание, – это отпечатки пальцев. Оуэн удалял их у всех своих жертв. То же самое сделала и Миллисент с Линдси.

Затем я просматриваю фотографии убитых им женщин. Они молоды, эффектны и счастливы. Так всегда выглядят на снимках жертвы. Никто не хочет видеть образ угрюмой и малопривлекательной особы, даже если она мертва.

Я подмечаю еще несколько особенностей: все женщины были совершенно обыкновенными. Они не носили стильной одежды и не злоупотребляли макияжем. Большинство выглядели просто: обычные волосы, джинсы и футболка, ни яркой губной помады, ни крашенных ногтей. Линдси тоже так выглядела, и ее рост тоже отвечал требованиям Оуэна.

Наоми скорее обычная, чем гламурная, но она слишком высокая.

Вплоть до этого момента я никогда не выбирал женщину по типу. У меня были совсем другие критерии: много ли людей будут ее искать? Как быстро будет оповещена об ее исчезновении полиция и сколько времени она уделит поискам взрослой женщины.

Все остальное было произвольным. Я выбрал Линдси, потому что она отвечала всем важным, по моему мнению, условиям и потому что Миллисент не отставала от меня, изводя требованиями найти новую жертву.

Петра другая. Потому что я с ней переспал. Или потому что она заподозрила, что я не был глухим. Она все еще остается в зоне риска, но она совсем не соответствует нашему новому типу. Петра чересчур высокая и чересчур гламурная. Она носит юбки и каблуки. И у нее даже на ногах ногти покрашены красным лаком.

Мне надо найти другую. Нашу четвертую.

Именно так поступал Оуэн Оливер. Он всегда похищал свою следующую жертву после того, как находили предыдущую.

Пока я роюсь в социальных сетях, к голове приливает адреналин. Еще не сильно, но скоро он зашкалит. Я это чувствую. Мы с Миллисент заставим всех вспомнить об Оэуне.

И я это предвкушаю.

13

Двух первых женщин мы не подыскивали. Линдси стала первой, кого мы выбирали. Мы нашли ее в социальных сетях, но в то время мы не ориентировались на типаж Оуэна и не учитывали его требование к росту. Большинство женщин не указывают в соцсетях своих физических данных, и таких сведений, как точный рост, вес или цвет глаз, там тоже нет. Это затрудняет мой предварительный поиск четвертой женщины.

Правда, я все-таки нахожу сайты, где уточняется рост. Это сайты знакомств. Но беглый просмотр некоторых из них меня не вдохновляет.

На следующий день я прошу Миллисент встретиться со мной в обеденный перерыв. Мы берем по стаканчику кофе и садимся в парке через дорогу. День стоит прекрасный, на синем небе ни облачка, воздух сухой, а парк расположен достаточно близко от кофейни, чтобы можно было воспользоваться ее Интернетом.

Я объясняю жене новые критерии по типуажу женщин и показываю ей, что обнаружил в сети. Миллисент просматривает страницы одного сайта знакомств, а потом вскидывает на меня взгляд.

– Они все кажутся такими... – мотает она головой и умолкает.

– Фальшивыми?

– Да. Как будто они пытаются быть не самими собой, а такими, какими их хотят видеть мужчины.

Я показываю на одну, которая пишет, что ее хобби – виндсерфинг и пляжные вечеринки.

– И у таких, должно быть, слишком много друзей.

– У некоторых да, наверняка.

Миллисент продолжает просматривать профили, нахмуривается:

– Мы не можем подбирать женщину на сайте знакомств.

Я молчу, и она поднимает на меня свои зеленые глаза. Я улыбаюсь.

– Что? – спрашивает Миллисент.

– У меня есть другая идея.

Она расслабляется и выгибает одну бровь:

– Тебе это только что пришло в голову?

– Да.

– Тогда выкладывай.

Я оглядываю парк, и мой взгляд, наконец, останавливается на женщине, сидящей на другой скамейке и читающей книгу. Я киваю на нее:

– Как насчет этой?

Миллисент изучает женщину и улыбается:

– Ты хочешь подыскать кого-нибудь в реальном мире?

– Для начала – да. Так мы найдем ту, что соответствует физическому типуажу Оуэна. А затем проверим в сетях, подходит ли она нам.

Миллисент снова переводит глаза на меня. Они такие яркие! Жена кладет на мою руку свою. И от ее прикосновения по всему моему телу распространяется теплая дрожь. Как будто я перезаряжаюсь. Даже мой мозг проясняется.

Миллисент кивает, уголки ее рта задираются вверх в довольной улыбке. Теперь мне хочется только одного: поцеловать свою жену. Опрокинуть на траву прямо посередине парка и сорвать с нее всю одежду.

– Я всегда понимала, почему вышла за тебя замуж, – произносит, наконец, Миллисент.

– Потому что я такой замечательный?

– И покорный.

– А еще довольно привлекательный внешне, – добавляю я.

– Если мы все сделаем правильно, – говорит Миллисент, – то полицейским никогда не придет в голову искать брачную пару. Мы будем вольны делать все, что нам захочется.

Что-то в ее словах еще больше усиливает мое возбуждение. Мир полон вещей, которые я не могу делать и не могу себе позволить – от домов и автомобилей до кухонного оборудования. Но это... *Это* дает нам ощущение свободы. Это единственное, что целиком наше, только наше и нам подконтрольно. Благодаря Миллисент.

– Я согласен, – говорю я жене.

– Согласен на что?

– На все.

* * *

Я доезжаю до станции Санрейл и сажусь на поезд, следующий до Алтамонте Спрингс – в обратном направлении от того места, где живет Петра. Технически этот городок лежит за пределами Вудвью, и все же он был частью «охотничьих угодий» Оуэна. Женщины здесь повсюду: молодые, старые, высокие, низкорослые, худые, толстые. Они на каждой улице, в каждом магазине, на каждом углу. Мужчин я не замечаю. Я вижу только женщин. Как раньше. В молодости я даже не представлял себе, как можно выбрать всего одну женщину, когда вокруг их такое множество – совершенно разных и доступных.

Конечно, так было до моей встречи с Миллисент.

Теперь я изменился. Я все еще оцениваю всех женщин, но только уже по-другому. Я не смотрю на них как на своих потенциальных партнерш и любовниц или как на свои победы. Я оцениваю их по тому, соответствуют ли они типу Оуэна. Я измеряю взглядом рост каждой женщины, смотрю на то, как она накрашена и как одета.

Вот одна молодая женщина выходит из прачечной самообслуживания и поднимается по лестнице в квартиру над ней. С того места, где я стою, мне трудно определить, насколько она высока.

Вторая женщина выходит из офисного здания. Она совсем низкого росточка, но раздражающе живая и энергичная. И садится в машину гораздо лучше моей. Я не уверен, что смог бы к ней подойти.

А затем я замечаю женщину в кафе и сажусь за столик рядом. Она просматривает в ноутбуке сайты, касающиеся двух тем: политики и еды. Я немножко разбираюсь и в том и в другом. И подумываю, как мог бы сложиться наш разговор. Любопытство побуждает меня выйти из кафе за ней следом и запомнить номер ее машины.

А потом я опять иду по тротуару, пока не замечаю миниатюрную женщину. Она – инспектор по парковкам. Выписывает штраф клиенту. Ее ногти коротко пострижены, волосы тоже. Мне не видно ее глаз – их скрывают солнечные очки. Но губы у нее не накрашены.

Я прохожу мимо достаточно близко, чтобы прочитать ее имя на бейджике:

А. Парсон.

Может – она, а может, и нет. Я еще не решил. Когда она отворачивается, я пару раз снимаю ее на телефон.

* * *

Уже поздно ночью того же дня Миллисент лежит в постели, изучая крупноформатную таблицу в своем компьютере. Дети спят. По крайней мере, должны спать. Во всяком случае, в их комнатах тихо.

Я скольжу в кровать рядом с женой.

– Привет.

– Привет. – Миллисент отодвигается, чтобы высвободить себе пространство, хотя наша кровать не просто большая, а очень большая.

– А я сегодня ходил по магазинам.

– О Господи! Надеюсь, ты не потратился. Я сейчас свожу наш бюджет, у нас нет лишних денег, а нам нужно еще заменить стиральную машину.

– Я только приглядывался к товару, – улыбаюсь я ей и показываю снимки А. Парсон в своем мобильнике.

– О! – восклицает жена, скосив на фото глаза: – А что за униформа на ней?

– Инспекторши по парковкам.

– Да ну? Я бы не отказалась отыграть хотя бы на одной из этих сучек.

– Я тоже, – мы оба смеемся. – И она подходит под типаж Оуэна.

– Действительно подходит, – соглашается Миллисент. Она закрывает свой компьютер и поворачивается всем телом ко мне: – Отличная работа!

– Спасибо.

Мы целуемся, и все проблемы с нашим бюджетом вмиг улечиваются.

14

На первых порах это никак не было связано с сексом.

И мы думали, что Холли ознаменует конец, а не начало. На следующий день после того, как ее выпустили из лечебницы, Миллисент открыла входную дверь нашего дома и обнаружила свою сестру на его крыльце. Она тут же захлопнула дверь перед ее носом.

Тогда Холли написала письмо и бросила его в наш почтовый ящик. Миллисент на него не ответила.

Холли позвонила. Миллисент перестала отвечать на телефонные звонки.

Я связался с психиатрической лечебницей, но там отказались со мной разговаривать.

Холли стала появляться на публике. Она маячила в отдалении от нас, примерно в сотне фунтов, но присутствовала везде. В гастрономе, куда Миллисент ходила за покупками, на парковке торгового центра, на противоположной стороне улицы, когда мы выходили пообедать.

Только она никогда не задерживалась настолько долго, чтобы мы успели вызвать полицию. И каждый раз, когда мы пытались сфотографировать ее для доказательства, она разворачивалась и быстро уходила прочь. Или двигалась так, что снимок получался нечетким, размытым.

Миллисент не рассказывала об этом своей матери. Болезнь Альцгеймера уже заставила старушку позабыть, кем приходилась ей Холли. И Миллисент хотела оставить все так, как есть.

Я изучил в сети правила сталкера и составил список, в котором по часам и минутам расписал все появления Холли в опасной близости от нас. Потом я показал этот список Миллисент, а она сочла все это бесполезным.

– Не поможет, – нервно повела жена плечами.

– Но если мы...

– Я знаю правила stalking. Холли их не нарушает и никогда не нарушит. Она слишком сообразительна для этого.

– Но должны же мы хоть что-то предпринять, – сказал я.

Миллисент покосилась на мои записи и покачала головой:

– Мне кажется, ты не понимаешь. Она превратила мое детство в ад.

– Я это знаю.

– Тогда ты должен понимать, что этот список нам не поможет.

Я хотел пойти в полицию и рассказать о том, что с нами случилось. Но единственным физическим доказательством, имевшимся в нашем распоряжении, было письмо, опущенное Холли в наш почтовый ящик. А в нем не содержалось никаких угроз. Как не раз повторяла Миллисент, Холли была слишком умна, чтобы так подставляться.

М.,

ты не считаешь, что нам нужно поговорить? Я думаю нужно.

Х.

Вот все, что в нем было написано.

Так что в полицию я не отправился, вместо этого я встретился с Холли. И сказал ей оставить мою жену и семью в покое.

Она этого не сделала. В следующий раз я увидел ее уже в своем доме.

Это произошло во вторник, где-то в районе ланча. На мой телефон упали три эсмэски подряд. Все сообщения были от Миллисент.

911

НЕМЕДЛЕННО домой

Холли

Не прошло и недели, как я нанес Холли визит.

Я не стал тратить время на ответные эсэмэски жене.

Когда я примчался домой, Миллисент встретила меня в дверях. Ее глаза были мокрыми, слезы грозились потечь по щекам, а моя жена не плачет по любым пустякам.

– Что, черт возьми...

Не успел я закончить, как она схватила меня за руку и потащила в общую комнату. Холли сидела на диване в дальнем конце, при виде меня она тут же вскочила.

– Когда я пришла домой, Холли была уже здесь, – дрожащим голосом сказала Миллисент.

– Что? – переспросила Холли.

– Она сидела прямо здесь, в нашей общей комнате.

– Нет, все было не так...

– Я забыла свой фотоаппарат. А мне нужно было сфотографировать один дом на продажу. И вот, когда я вернулась за ним домой, Холли была уже здесь.

– Что ты такое...

– Я застала ее *сидящей на нашем диване*, – слезы, наконец, пролились из глаз Миллисент, и она закрыла лицо руками.

Я ласково приобнял жену.

Холли выглядела как вполне нормальная женщина тридцати с лишним лет – в джинсах и футболке; на ногах сандалии. Ее короткие рыжие волосы были зализаны назад. А губы накрашены яркой помадой. Она сделала глубокий вдох и подняла вверх обе руки, словно хотела мне показать, что они пустые.

– Все совсем не так...

– Прекрати врать, – прикрикнула Миллисент. – Ты все время врешь.

– Я не вру!

– Подождите, – сделал я шаг вперед. – Давайте все успокоимся.

– Хорошо, давайте, – согласно кивнула Холли.

– Нет, я не собираюсь успокаиваться. – Миллисент указала на окно в углу комнаты, смотрящее на торец дома. Окно было зашторено, но на полу под ним валялись осколки стекла. – Вот как она проникла сюда. Она разбила окно, чтобы залезть в наш дом.

– Я этого не делала!

– Тогда как ты сюда пробралась?

– Я не...

– Холли, прекрати. Просто прекрати. Ты не одурачишь моего мужа так, как одурачивала наших родителей.

Насчет этого Миллисент была права.

– О Боже мой! – воскликнула Холли. А затем обхватила руками голову и закрыла свои глаза. Словно пыталась отрешиться от внешнего мира. – О Боже мой – О Боже мой – О Боже мой, – запричитала она скороговоркой.

Миллисент отступила на шаг назад.

А я приблизился к ее сестре:

– Холли, с тобой все в порядке?

Холли не остановилась. Похоже, она даже меня не слышала. Когда она шлепнула себя рукой по голове, я оглянулся на жену. Миллисент неотрывно смотрела на Холли и выглядела слишком напуганной, чтобы пошевелиться. Она буквально вросла в пол ногами.

– Холли! – повысил я голос.

Ее голова вздернулась вверх.

Руки безвольно упали.

Лицо Холли изказила злость, нечто почти дикое, звериное. Мне показалось, что я увидел на нем то, чего так боялась Миллисент.

– Тебе следовало погибнуть в той аварии, – прорычала Холли сестре.

Миллисент придвинулась ко мне вплотную, прикрылась мной, как щитом, и вцепилась в мою руку. Я полуобернулся – сказать ей, чтобы она вызвала полицию. Но жена заговорила первой. Ее голос понизился почти до шепота:

– Слава богу, дети не видят всего этого.

Дети! Их образы молниями промелькнули в моей голове. Я увидел Рори и Дженну в комнате вместо нас. И ощутил их страх перед этой сумасшедшей женщиной.

– Холли, – произнес опять я.

И опять она меня не слышала. Она ничего не могла услышать. Ее глаза буравили Миллисент, пытавшуюся спрятаться за мной.

– Ты сука, – прорычала ей Холли.

И ринулась на меня.

На Миллисент.

В тот момент я не принимал решения. Я не прокручивал в голове разные варианты, взвешивая «за» и «против», и не выбирал логически самый оптимальный образ действий. А ведь если бы я так сделал, Холли осталась бы жива.

Увы, я не думал, не решал. К тому, что я сделал в следующее мгновение, меня побудило нечто, возникшее из самого нутра. Это была биология, самосохранение, инстинкт.

Холли представляла угрозу для моей семьи, она представляла угрозу для меня. И я схватился за первую попавшуюся под руку вещь. Она стояла у стены, совсем рядом со мной.

Я схватился за теннисную ракетку.

15

Проходит несколько дней, прежде чем кто-то на телевидении поднимает вопрос об Оуэне Оливере Рили.

Джош, молодой старательный Джош, озвучивает это имя на пресс-конференции. С тех пор, как нашли Линдси, полиция проводит пресс-конференции чуть ли не через день, во второй половине дня, чтобы основные моменты были освещены в вечерних новостях.

Сегодняшним заголовком всех новостных репортажей станет вопрос Джоша:

– *А вы не думали, что Оуэн Оливер Рили вернулся?*

Главный следователь, лысеющий мужчина, разменявший шестой десяток, явно не удивлен вопросом.

Джош слишком молод, чтобы помнить все подробности об Оуэне Оливере. Но он умный, амбициозный репортер, способный перерыть Интернет со скоростью света, его надо было только подтолкнуть к этому.

И ради такого дела я скрупулезно изучил биографии и дела самых известных серийных убийц. Некоторые из них общались с прессой, а иногда и с полицией. И это было задолго до изобретения электронной почты. Памятуя о том, как легко нынче отследить электронную переписку, я решил действовать другим путем, по старинке.

Оуэн никогда и никому не писал писем. Так что все, что мне нужно было сделать, – это придумать что-нибудь достаточно правдоподобное, чтобы этому поверили. После нескольких попыток – от длинных до кратких, поэтических и совершенно бессвязных – я накопал всего одну, простую строчку:

«Хорошо вернуться домой. Оуэн»

Надев хирургические перчатки, я написал эту фразу на листке бумаги, положил его в конверт и наклеил на него марку. Потом – чтобы запутать Джоша – я спрыснул конверт дешевым аптечным одеколоном, с запахом животного мускуса, как у ковбоя.

А затем сел в машину, проехал через весь город и бросил этот конверт в почтовый ящик. Через три дня Джош назвал имя Оуэна на пресс-конференции, но про письмо умолчал. Возможно, он решил сохранить его у себя, сделать своим секретом. А возможно, полиция попросила его не упоминать про письмо.

И вот теперь я выжидаю и наблюдаю. Потому что мне необходимо сделать кое-что еще.

Прошлой ночью я наблюдал за квартирой Аннабель Парсон. Найти заинтересовавшую меня инспекторшу по парковкам оказалось намного труднее, чем остальных. Чтобы разыскать Линдси и Петру, мне потребовалось лишь забить их имена в поисковике Интернета. Аннабель оказалась не такой простушкой – наверняка она пряталась ото всех обозленных клиентов, которым выписывала штрафы за неправильную парковку. И, чтобы выяснить, где она живет, мне пришлось в один из вечеров проследить за ней до самого дома. Это вызвало у меня раздражение.

А прошлой ночью я поджидал Аннабель уже у дома – хотел увидеть, вернется ли она домой одна или с кавалером. Около полуночи я получил от сына эсэмэску:

«Опять за старое? Тебе это будет дорого стоить».

«Что ты хочешь?»

«Ты имеешь в виду – сколько я хочу?»

Рори уже не хочет видеоигру. Он хочет денег.

На следующий день, вернувшись с работы, я застаю Рори дома. Он лежит на диване, смотрит серфинг, строчит кому-то смски и играет в игру. Миллисент дома пока нет. Дженна наверху, в своей комнате. Я присаживаюсь рядом с сыном.

Он вскидывает глаза, приподнимает брови.

Я опять допускаю ошибку. Мне следовало все рассказать Миллисент. Мы могли бы сесть все вместе, с Рори и Дженной, и объяснить детям, что ничего страшного не происходит.

«Отцу просто нравится кататься на автомобиле посреди ночи. Иногда он это делает даже в костюме».

Я вручаю сыну наличные.

Он так увлекается пересчетом денег, что даже пропускает мимо ушей новости, в которых воспроизводятся основные кадры пресс-конференции. И от его внимания ускользает настоящая причина, по которой отец по ночам уезжает из дома, а ведь, чтобы ее узнать, ему нужно всего лишь обратить глаза к телевизору.

* * *

На ужин у нас тако с остатками курицы – необыкновенно вкусные. Моя жена – хорошая кухарка, готовит ужин каждый вечер. Но, чем меньше времени она тратит на стряпню, тем лучше она у нее получается.

Только я не говорю ей об этом.

На десерт у нас ломтики персиков, присыпанные коричневым сахаром. И каждому из нас еще достается по одному печенью сникердудл. Рори первым закатывает глаза, Дженна ему вторит. Миллисент всегда была прижимистой на десерты.

Мы все едим их по-разному. Дженна слизывает коричневый сахар со своих персиков, потом лопают печенье и заедают его персиками. Рори сначала съедает печенье, потом персики. Хотя все равно у него во рту все перемешивается – он слишком быстро отправляет туда все подряд. Миллисент чередует персики с печеньем – кусочек одного, потом ломтик другого. Я их перемешиваю и ем ложкой.

Завтра у нас семейный просмотр кино, и мы обсуждаем, что будем смотреть. На прошлой неделе это был фильм о животных. Рори всегда сначала тяжело вздыхает, но он любит такие фильмы не меньше других. И сыну, и дочери нравится и тема спорта, так что мы выбираем фильм о молодежной бейсбольной лиге, пытающейся пробиться на мировое первенство. И голосуем, словно это серьезный, ответственный выбор! Победителем нашего голосования с огромным отрывом становится «Отбивай».

– Я буду дома в половине шестого, – говорю я.

– Ужин в шесть, – напоминает Миллисент.

– Мы закончили? – спрашивает Рори.

– А кто такой Оуэн Оливер Рили? – интересуется Дженна.

И все разом замирают.

Мы с Миллисент смотрим на дочь.

– Где ты про него услышала? – прерывает молчание Миллисент.

– По телевизору.

– Это ужасный человек, который вредил людям, – говорю я. – Но тебе он никогда не сможет навредить.

– О!

– Не тревожься из-за этого Оуэна.

– Но почему о нем столько говорят? – спрашивает Дженна.

– Из-за этой мертвой девушки, – встревает Рори.

– Женщины, – поправляю его я. – Мертвой женщины.

– Ой, – поеживается Дженна и бросает взгляд на свой мобильник. – Так мы закончили?

Миллисент кивает, дети хватают свои телефоны и начинают набирать эсэмэски. Я убираю со стола посуду, Дженна помогает мне ставить ее в посудомоечную машину, а Миллисент избавляется от остатков тако.

* * *

Пока мы готовимся ко сну, Миллисент включает местные новости. Она смотрит отрывки с пресс-конференции, а затем поворачивается ко мне. Не произнося ни слова, она спрашивает меня, имею ли я к ней какое-то отношение.

Я пожимаю плечами.

Она приподнимает бровь.

Я подмигиваю ей.

Она улыбается.

Иногда нам не нужно ничего говорить, чтобы друг друга понять.

Так было не всегда. В начале наших отношений мы проводили за разговорами целые ночи, как все молодые влюбленные пары. Я рассказывал ей свои истории. Постепенно, смакуя – потому что я, наконец-то, нашел человека, который находил их очаровательными. И который находил очаровательным меня.

В конце концов, Миллисент узнала все мое прошлое, и мы стали обмениваться только новостями. Я бомбардировал ее эсэмэсками, описывая мельчайшие подробности своего дня. Она присылала мне забавные картинки о том, как проходил ее день. Я никогда никого не узнавал настолько хорошо, как узнал Миллисент, и никогда не делил ни с кем так свою жизнь. Это продолжалось и когда мы поженились. И даже в браке, когда Миллисент была беременной Рори.

До сих пор помню первую вещь, о которой я жене не рассказал. Я имею в виду первую важную вещь. Это была машина. У нас их было две. Автомобиль Миллисент был новее моего – я ездил на допотопном старом грузовичке, в котором умещалось все мое теннисное оснащение. Когда Миллисент была на восьмом месяце беременности, мой грузовичок сломался. На его ремонт требовалась штука баксов, а у нас таких денег не было. Те деньги, что у нас имелись, мы откладывали на детскую кроватку, коляску и кучу подгузников, которые нам в скором времени должны были понадобиться.

Я не хотел расстраивать Миллисент, не хотел, чтобы она волновалась. И я сделал выбор. Я сказал ей, что грузовик поломался, но не так серьезно, как было на самом деле. Чтобы оплатить ремонт, я открыл новую кредитную карту – только на свое имя.

Мне потребовалось больше года, чтобы выплатить кредит, но я ни разу не проговорился о нем Миллисент, и другими своими заботами я ее тоже не грузил.

А потом мы перестали обсуждать мелочи. У нас появился сначала один ребенок, затем второй. И хлопот у Миллисент заметно прибавилось. Ей уже было не до забав, и она больше не придавала значения пустяковым деталям, а я прекратил докучать ей подробностями о своих клиентах. Мы оба перестали спрашивать, перестали вдаваться в подробности и сосредоточились на основных моментах нашего бытия. Так и сейчас.

Иногда нам довольно улыбки или подмигивания.

16

За двадцать четыре часа Оуэн Оливер Рили становится притчей во языцех. Его лицо мелькает во всех местных новостях и на веб-сайтах. Мои клиенты только о нем и говорят. Те, кто родом из других мест, желают узнать как можно больше подробностей. А здешние не могут смириться с мыслью, что он действительно вернулся. Кекона, местная сплетница, упивается всеобщим вниманием.

Несмотря на то, что она родилась на Гавайях, Кекона прожила в Вудвью достаточно долго, чтобы узнать все наши легенды, мифы и «знаменитостей» с дурной славой. Но она не поверила, что Оуэн Оливер вернулся ни на секунду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.